

Колдовские миры

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ЗАМОК НАД МОРЕМ
Право рода

Колдовские миры

Галина Гончарова

Замок над Морем. Право рода

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Замок над Морем. Право рода / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-095116-1

Легко ли довериться человеку, ничего о нем не зная кроме происхождения? Открыть свои секреты, узнать чужие, повернуться спиной и поверить, что тебя не ударят? Почти невозможно, но иначе выжить не получится. Наследники трех герцогских родов встретились, и оказалось, что лишь они могут помочь друг другу. Но сумеют ли они понять друг друга? Герцогиня из иного мира, бастард и непризнанный потомок древнего рода сплетают свои судьбы, чтобы найти дорогу к Замку над Морем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095116-1

© Гончарова Г. Д., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Галина Гончарова

Право рода

© Гончарова Г., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Семейство Даверт

Тьер Эльнор барабанил пальцами по столу. Солнце двигалось по небу, отбрасывая лучики и зайчики на полированную поверхность. Скоро, уже скоро зайчик дойдет до завитушки в виде волны – и еще один пункт можно будет вычеркнуть.

Месть постепенно свершалась. У тьера Даверта была жена и четверо детей.

Вальеры больше нет. И это сильно подломило Преотца. Появились морщины, осунулось лицо, появились новые серебряные пряди в волосах. Кусок его жизни оторвался и ушел в бездну. И поделом.

Мелания тоже была солнышком для своего отца. Памятью об умершей при родах женщине, об их любви, так что – жизнь за жизнь. Тьеру Эльнору жить незачем, тьеру Даверту тоже будет незачем.

Эрико Даверт, считай, уже мертв. Хуже, чем мертв. Элисса доносит, что у них все замечательно, любовник завалил ее драгоценностями, посещает ее спальню через день, посещал бы и каждый день, да отец не дает. Делами завалил.

Сколько у нее времени до проявления у Эрико первых признаков?

Этого Элисса не знает, у всех по-разному, но оправдаться надеется.

Лусия Даверт.

Сегодня она выходит замуж за герцога Карста. Наследника, конечно, но этого хватит. Карст – территория тьера Эльнора, там он устранил помеху в любой момент.

Завтра с утра девушка отправляется в дорогу. К будущему мужу в объятия. Интересно, как она себя поведет, когда узнает, что мужу ни до чего нет дела, кроме красок и кистей? И жена ему неинтересна. Вообще.

Ничего, Эльнор еще об этом узнает. Потому что спустя дней пять тоже выедет за караваном. Ему как раз хватит времени. Есть, есть еще пара дел, которые здесь не доделаны.

Кто еще?

Родригу Даверт?

Управляемый, бездарный глупец. Если все пойдет правильно, на него и сил тратить не придется. Просто отравить, как докучливую помеху.

Луис Даверт.

Вот тут тьер Эльнор поморщился. Именно Луис остановил их на дороге, именно он не обеспечил безопасность Мелании, именно он главный виновник, после Эттана.

Что ж, жизнь за жизнь, и в дороге найдется немало возможностей взять ее. Больше, чем в Тавальене. Тем более – Луис опасен. Это не бабник Эрико, не глупец Родригу, не сопливая девчонка. Это – волк.

Жестокий и хищный.

Эльнор не знал, что, услышь тьер Луис его мысли, только усмехнулся бы. А что вы хотите от потомков рода акул? То есть Лаисов?

С Луисом будет больше всего хлопот. А пока...

Дверь скрипнула. Тьер Эльнор повернулся и расплылся в улыбке.

– Тьер Синор! Как я рад видеть вас, друг мой!

– И я тоже рад. – Мужчина ответил улыбкой на улыбку. И радость обоих была искренней, хоть и по разным причинам. Тьер Эльнор радовался, что будет на шаг ближе к мести, тьер

Синор – что сможет еще набить кошелек. Хотя куда бы уж еще? И так наворовал – правнукам хватит, пора б и остановиться. Но пауки жрут, пока не лопнут. – Зачем вы меня приглашали?

– Неужели двум умным людям не найдется, о чем поговорить? Но сначала хочу оговорить – десять процентов.

– От чего?

– От средств, которые вы получите, если реализуете мою идею.

– Два процента.

– Синор, это не смешно. Вы на этом так руки погреее, что десять поколений вашей семьи нуждаться не будут.

– Вы мне пока еще идею не сказали. Может, на нее затраты будут...

– Не будут. Все сделает Даверт, а деньги получите вы. Ну и я...

– А Даверт?

– Но ведь золотые реки текут через ваши пальцы, Синор. Вы справитесь...

– Я! Вот именно – я. Пять процентов.

– Семь – и я вам все расскажу.

Тьер Синор подумал, но потом махнул рукой.

– Согласен.

Семь процентов с морской пены? Чего б и не пообещать? Иди, собирай ложкой?

Идея пришла тьеру Эльнору в голову совсем недавно, и сам бы он никогда ее не осуществил. А вот такая зарвавшаяся мразь вроде Эттана... может! Этот – может!

– Ну раз так... Денег в казне Храма всегда мало. А сейчас Даверт черпает оттуда щедрой рукой.

– Для своих ублюдков...

– Убить их не получится, значит, надо искать, как пополнить казну. И мне пришла в голову идея. Кто у нас сидит на золоте? Еще со времен последних Королей?

Тьер Синор слушал, иногда поднимал руку, давая себе время обдумать сказанное, иногда качал головой, как бы в ужасе перед дерзостью плана, но...

Почему бы нет?

Риски Даверта, руки Даверта, а деньги его. И это – правильно.

* * *

Лусия посмотрелась в зеркало. В полированном стекле отражалась очаровательная девушка с черными волосами и громадными бархатно-карими глазами. И как же ей к лицу были нежно-розовые шелка. И бриллианты тоже. Пусть простонародье в день свадьбы рядится в синее, она – Даверт! И наденет то, что ей к лицу! Синее ей не идет категорически. И маме не шло...

А вот мамы нет.

И некому поправить украшения, поцеловать в щеку и шепнуть: «Ты у меня красавица, дочка...»

Лусия прикусила изнутри щеку. До боли, едва не до крови. Нет уж! Не станет она плакать! Сегодня заключается ее помолвка, и она будет блистать! Она – Даверт!

Дверь скрипнула, и в зеркале отразился Луис. Простой темно-зеленый костюм с черными вставками, изумруды на запястье... Лусия надула губы.

– Луис, ты еще не одет?

Вместо ответа брат поцеловал ее в щеку.

– Ты сегодня очаровательна, малышка. А еще вчера пеленки пачкала...

– Луис!

– Держи. Думаю, он пойдет к платью.

Луис ловким жестом протянул Лусии невесть откуда извлеченную шкатулку. Девушка радостно схватила ее и...

– Луис!

Бриллиантовый браслет был великолепен. И украсил бы даже королеву.

– Это так дорого!

– Не дороже денег, – отмахнулся Луис. Хотя и испытывал нешуточную тревогу на этот счет. Дорвавшись до власти, отец решил, что ему никто не указ, и отдавал распоряжения, не задумываясь об их выполнении. А откуда берутся в казне Храма деньги на прихоти Преотца?

Налоги, да.

Торговля, пожертвования...

Налоги были уже собраны, второй раз не соберешь, торговля тоже дело такое, в нее надо деньги вкладывать, а пожертвования...

Добровольные уже сделаны. И даже добровольно-принудительные.

Конечно, хорошие деньги делаются на войне, но с кем воевать и кого завоевать? Тут надо все тщательно рассчитать, а то пойдешь за шерстью, а вернешься бритым налысо. Да и... проигравший Преотец – мертвый Преотец. А с ним и его семья.

Не хотелось бы.

Но...

Луис решил, что будет делать все от него зависящее. Поговорит с отцом, а если тот не поймет, постарается хотя бы защитить младших. Например, Лусию он отправлял в Карст. Заодно и сам съездит, узнает, что там и как с завещанием Королей.

Про Карста-младшего он справки навел, оказалось, что парень – художник, и вроде как талантливый. А такие все со странностями.

Сложнее с мальчишками. Родригу стал предстоящим, заняв место отца, и теперь вытащить его из Тавальена будет сложнее. Зато Эттан чувствует себя в безопасности.

А Эрико...

Надо, надо посмотреть, что там у него за красotka такая образовалась. Братец уж сколько времени в розовых облаках витает! Мозгами вообще не пользуется!

А вот Эттану свою красотку представить не хочет, значит – любовница из простонародья.

Не забыть бы!

– Луис, я так волнуюсь... думаешь, я понравлюсь Карсту?

– Здесь только его представитель, – отмахнулся Луис. – А ему все равно. Но могу тебя заверить – обязательно понравишься. Ты ведь сама – произведение искусства, а Карст – художник. Наверняка вы найдете общий язык.

Лусия зарделась, поцеловала брата в щеку, подхватила под руку и потащила из комнаты, непрерывно болтая о цветах, которые подбирала к наряду.

Глицинии – пышно, фрезии – скучно... такой тяжелый выбор!

* * *

Эттан торжествовал.

Здесь и сейчас вершилась История!

Преотец выдавал замуж свою дочь! Замуж за герцога Карста!

Пусть пока от него прибыл лишь представитель, тьер Немор, пусть жемчужная нить редкого голубого цвета пока обвиняет шею не герцога, но его доверенного лица – это не важно. Лусия становится маркизой Карст, а потом и герцогиней станет. А уж ее дети точно будут герцогами.

Но будут ли они счастливы?

Голос прозвенел в ушах так неожиданно, что Эттан даже дернулся.

Вальера?

Нет.

Ее нет, и больше не будет. А сны снятся, и голос жены звучит не умолкая. Только вот сейчас – зря! Конечно, Лусия будет счастлива! У нее будет титул, будут деньги и власть. Что еще надо?

Эттан закончил обряд и не выдержал.

Привлек к себе дочь, обнял за плечи.

– Будь счастлива, малышка.

– Да, папа.

Тихо, очень тихо, так, что никто не услышал. И хорошо, что тьер Эльнор не наблюдал за этим действием – желчью бы захлебнулся. Его дочь мертва, а убийца...

Тонкая рука Лусии дрожала в ладони тьера Немора. Мужчина поглядывал на девушку с чуть заметным неодобрением. Да, очаровательна. Но...

Незаконная дочь Преотца – все же не тьерина. Пусть у нее есть титул, пусть она признана своим родителем, пусть она Даверт, но...

Ублюдку никогда не встать вровень с породистым щенком.

Вслух тьер Немор, разумеется, ничего подобного не произнес. Этот высокий молчаливый человек лет сорока от роду был старым и верным другом герцога Карста и знал о трагедии в его семье. Узнал он и о предложении Преотца, разумеется, из первых рук, и согласился съездить за невестой. Мало ли?

Ублюдки же, у них ни чести, ни совести, подсунут лежалый товар в приличную семью... мало ли с кем тот «товар» по кустам валялся?

Тьер Немор не любил храмовников, и еще больше не любил тех, кто по своей прихоти и похоти обрекает детей на жизнь бастардов. Но пока все было... прилично.

Тьеру понравился и дом, в котором жили бастарды Эттана, и сами дети.

Не все, нет.

По-настоящему тьер Немор одобрил Луиса и Лусию. И то – последнюю, скорее, как податливый материал, из которого руки умелого скульптора смогут вылепить что угодно. Хотя бы и достойную герцогиню.

Луис пришелся тьеру Немору по душе уже тем, что не пытался производить впечатление. Каждым жестом, каждым взглядом Луис как бы подчеркивал, что он – уже есть! Он – Луис Даверт. А значит – если вам что-то не нравится, это не его проблемы. Луис не обязан подстраиваться под каждого.

Единственным, кого уважал Луис, был Преотец.

Единственной, кого он любил, – Лусия.

Ну и братья, но тех – меньше. Тьер Немор был неглуп и наблюдателен. Родригу он сразу классифицировал как верного цепного пса, Эрико – как слизняка себе на уме. Луис был умнее и сложнее, но рядом с его отцом благородство не выживало.

В общем-то, и Родригу, и Луис выглядели в глазах тьера Немора примерно одинаково, разве что Родригу был собакой, а Луис – волком. Но какая разница, если оба носят одну и ту же палку за хозяином?

* * *

Свадебный пир был великолепен.

Вино лилось рекой, очаровательная невеста краснела от слишком фривольных шуток, представитель жениха ухаживал за девушкой, время от времени одобрительно кивая своим мыслям.

Неглупая красивая девочка с хорошими манерами. Что ж, может, все окажется и не так плохо?

Спустя два часа тьерина Лусия отправилась к себе, а Преотец пригласил тьера Немора в кабинет для дальнейшего разговора.

Вступления не было. Поклон от тьера Немора, разрешающий жест от Преотца – и двое мужчин расположились в креслах друг напротив друга.

– Вы выезжаете через два дня?

– Да, пресветлый.

– Я отправлю с вами отряд моих людей под командованием тьера Даверта. Луиса. Вы с ним нашли общий язык.

– Да, пресветлый. Но стоит ли...

Тьер Немор не хотел везти с собой чужих людей. У него у самого двадцать человек, этого более чем достаточно, чтобы предупредить случайности. Но Эттан не собирался потакать чужим желаниям.

– Думаю, пятьдесят тысяч золотом, которые идут в приданое Лусии, стоят охраны. Это не считая самой Лусии, ее нарядов, драгоценностей, мебели...

Тьер Немор почтительно склонил голову.

Пятьдесят. Тысяч. Золотом.

Богат Храм. Воистину богат.

На эту сумму можно купить весь Тавальен – все дома, всех жителей, добавить еще несколько десятков окрестных деревень и еще на сдачу останется.

– Вы щедры, тьер.

Эттан повел рукой.

– Эти деньги – гарантия счастливой жизни моей дочери. В договоре с вашим господином оговорено, что в случае смерти Лусии или развода вся сумма будет возвращена в мои руки. Надеюсь, вы понимаете, что у меня найдется, чем подтвердить исполнение договора?

Тьер Немор молча склонил голову.

– Я не могу поговорить с вашим господином, но передайте ему мои слова.

– Обещаю, тьер.

– Моя. Дочь. Должна. Быть. Счастлива.

Прозвучало это очень веско и убедительно. Тьер Немор даже поежился. Эттан смотрел своими хищными глазами, не улыбаясь, и тьеру стало вовсе уж неуютно. Как встретиться с диким зверем в лесу. Понимаешь, что просто так он не кинется, но кто его знает?

– Верьте, пресветлый, этот брак выгоден моему господину.

– Верю. И надеюсь регулярно получать письма от дочери.

Тьер Немор подумал, что Преотец старается обезопасить свою дочь со всех сторон. Но... долго ли живут Преотцы?

До пятнадцати лет. Больше пока не протянул ни один. Возраст, болезни, да и конкуренты бывают нетерпеливы. Эттан выглядит покрепче прочих, но...

Стая шакалов не примет над собой тигра. Так что Эттан может распрощаться со своей шкурой в ближайшее время. А Лусия останется в Карсте. И что приятно – останется ее приданое.

– Я надеюсь, что родные станут часто навещать маркизу Карст?

– Несомненно.

Тьер Немор приятно улыбнулся.

– Они всегда будут желанными гостями в герцогстве.

– Я рад, что мы хорошо понимаем друг друга. Итак, послезавтра вы отправляетесь в обратный путь.

– Я очень благодарен вам за заботу о нашей безопасности. Как моей, так и маркизы.

Эттан благосклонно кивнул.

– Поговорите с тьером Луисом. Согласуйте с ним всякие дорожные мелочи.

– Да, пресветлый.

– А я оставлю вас. У меня еще есть дела.

Тьер Немор встал и склонился в почтительном полупоклоне.

Дверь закрылась за Преотцом. Тьер длинно и тихо выругался и вовсе уж по-простонародному почесал в затылке.

Тигр, как есть – тигр. Вцепится своими клыками и не выпустит.

Легкий кашель оборвал размышления тьера Немора.

И, глядя в темные глаза Луиса Даверта, мужчина подумал, что семейное сходство – страшная штука.

Род Карнавон

Дом встретил Эдмона Арьена привычными запахами: свежих лепешек, морской соли, копченой рыбки, горной мяты...

А еще – улыбкой жены, восторженным визгом дочери.

И – письмом от сестры.

Писала Альетта.

Милый братик.

Я надеюсь, что ты получишь это письмо как можно скорее.

Приезжай, пожалуйста.

У нас серьезные проблемы. Отец умер, мать слезла, Амедей и Эмисса словно с ума сошли. Они поделили все дело. Эмисса с мужем и детьми сейчас у меня в Рентаре, Амедей собирается ехать и отобрать то, что якобы завещал ему отец.

Я постараюсь остановить это безумие, но не верю, что моих сил хватит. Не рассчитываю на деньги, но хочу сохранить семью. И прошу твоей помощи.

Альетта.

Рентар, дом Дарам. Если ты забыл, где я живу.

Эдмон нахмурился.

Что ж, Рентар так Рентар. Ехать надо, обязательно надо. И своей рукой моряка и авторитетом старшего вправлять мозги оболтусам. Если на то пошло, основной наследник – он. И именно на это рассчитывает Альетта. Если Эдмон явится пред светлые родственные очи, споры прекратятся сами собой. Никому не захочется отдавать большую часть наследства брату, который явился из небытия.

А он может потребовать свое.

Дом.

Не Маритани, ставшая за столько лет привычной и своей, нет. Некогда родной Атрей, тихое и спокойное герцогство, где нет моря, где ветер срывает не верхушки морских гребней, а листья с деревьев, где под твоими ногами не каменная почва островов, а жирная черная земля, казалось, семечко воткни – и оно прорастет.

Там нет соленого ветра, там не пахнет рыбой, там не поют рыбацки, проверяя сети. Вместо этого там сеют и жнут, там собирают богатейшие урожаи, там вкуснейшие яблоки и такие сочные груши, что их страшно даже срывать с дерева, кажется, они разломятся в пальцах...

Там до сих пор живут его брат и сестры.

А мать?

Отец?

Эдмон никогда не задумывался, как они там... Уходил он со скандалом.

...Отец, узнав, что сын хочет стать моряком, разгневался. Раскричался, пообещал проклясть, отлучить от дома, прогнать на все четыре стороны, расплакалась мать, принялась причитать Эмисса, подзуживал Амедей...

Конечно, разгорелся *скандал*, в результате которого Эдмон плюнул на пол да и выскочил из дома в чем был.

Он ушел бы именно так и прошел бы недолго. Без денег, без смены одежды, без оружия... легкая добыча для любого, кто желает пожить за чужой счет. Но за углом он наткнулся на Альетту. Сестра стояла, прислонившись к забору, и смотрела насмешливо.

– Далеко собрался, Эдмон?

– Тебе-то что? – рявкнул он тогда больше от злости, сестру-то он любил.

– Да ничего. Вот это.

В узелке из его же собственного теплого плаща была смена одежды, был кошелек с деньгами, был небольшой короткий кинжал.

– Меч вынести не удалось. Я через окно лезла.

– Льетта, спасибо!

Эдмон крепко обнял сестру. Альетта прижалась к нему и затихла. Потом, минут через пять, тряхнула головой, высвободилась.

– Ты ведь все равно уйдешь, я знаю. Маритани... я читала. Ты не сможешь теперь жить без моря, да?

– Уже не могу.

Эдмона словно на веревке тянули. Дойти, опустить руку в соленую воду, услышать крики чаек...

– Я не хочу, чтобы ты так уходил...

– Но ты тоже знаешь отца. – Эдмон усмехнулся. – Он ведь меня не отпустит. Это сейчас он думает – дурь, а потом что будет?

– Потом он сделает все, чтобы из тебя ее выбить. Так что или ты уходишь сейчас, или остаешься.

– Ты же знаешь, что я уйду.

– Знаю. Не пиши домой, я могу не получить письмо. Пиши купцу Верейлю.

Под пристальным взглядом Альетта чуть покраснела.

– Это у которого сын такой прыщавый?

– И вовсе Тим не прыщавый... Эдмон!

Парень рассмеялся и взъерошил сестренке волосы.

– Я тебя люблю, Льетта. И обязательно напишу. И расскажу, как со мной связаться, обещаю.

Он хотел сунуть кошелек в карман, но...

– Тяжелый. Откуда?..

– Отцовские деньги на хозяйство.

– Льетта!

– Мне не попадет. Я скажу, что это ты взял.

– Вот ведь хитрюга. Всегда ты умела не попадаться...

– Конечно. У меня и сейчас коварный план, – сестра улыбалась сквозь слезы. – Тебя справажу, так мне больше приданое будет.

– Я так и знал! Какие коварные планы!

Альетта подарила ему еще одну улыбку и долго смотрела вслед.

Она слишком хорошо знала свою семью. Знала авторитарность отца, истеричность матери, бесхарактерность Эмиссы, завистливость Амедея... Она могла предсказать, чем кон-

чится их разговор с Эдмоном уже после первой фразы – и не стала терять время. Что-то подсказывало ей, что брат все равно уйдет, так лучше она поможет ему. Пусть у Эдмона будут шансы...

Эдмон посмотрел на восток. Давно он не вспоминал о прошлом. Маританцам это вообще не свойственно, прошлое уже прошло, будущее еще не наступило, так живи и радуйся. А сейчас вот вернулось, властно потянуло за собой, блеснуло голосом сестренки и улыбкой матери, приказало оплатить старые долги...

Да, послезавтра он опять выйдет в Море.

Альетта подарила ему шанс расправить крылья и обрести свою судьбу здесь, на Маритани. Настало время отдавать подарок.

Итак, Атрей.

Рентар, дом семейства Дарам.

* * *

Сны снами, дела делами.

Утром Алаис как ни в чем не бывало встряхнулась и отправилась завтракать.

А кто за нее корабль найдет? Кто договорится?

И что ей делать с Эфроном, который выплыл вот как то самое, нетонущее?

Да гори он гаром, паразит! Авось и не признает, а признает – отобьемся! Странно устроен человеческий разум, ей бы думать про мужа, про охотников за ее головой, а мысли крутятся совершенно не такие. Видимо, это механизм защиты.

Нет, но почему герцогским родам нельзя было между собой родниться?

– Потому что дети мертвые рождались, – пояснил Далан.

– Я что – вслух говорю?

– Ну да.

– Погоди, дети, говоришь, мертвые рождались?

– Да.

– А ты откуда это знаешь?

– Так не босяк же, учили и истории, и всякому...

– А зачем сыну купца история Королей?

Далан помотал головой, как конь.

– Не знаю... Учили.

Алаис задумчиво кивнула.

– Мертвые – или с уродствами?

– Да кто ж знает? Я знаю, что, как Королей не стало, герцоги решили заключать союзы. Но ничего не получилось, потому что живых детей в таких браках не было. Когда со стороны брали, хоть бы и крестьянку у дороги, все хорошо, дети живые, а когда между собой роднились – нет.

– Понятно. Спасибо.

Алаис принялась за салат из водорослей. Местное коронное блюдо с заправкой из масла и уксуса очень вкусно. А что? Ударим йодом по щитовидке!

Понятно было очень условно. Вот так и благословишь школьную программу. А ныли-то, ныли! И химия ни к чему, и биологии много, а генетика – вообще жуть лиловая!

Но если припомнить школьную программу?

Может быть такое, что есть доминантные гены, а есть рецессивные. И с рецессивным геном связаны какие-нибудь отклонения? Вот если герцоги скрещиваются с нормальными людьми – там играют доминантные гены, и ребенок в порядке, а если два герцогских рода –

ребенок наследует активный рецессивный ген? Который и обеспечивает уродства, несовместимые с жизнью?

А черт его знает!

Алаис отлично понимала, что для каких-то выводов у нее ни знаний не хватит, ни мозгов.

Но чисто теоретически – это могло быть?

Вполне.

Отсюда и запрет на свадьбы между герцогскими родами.

А как же...

Атрей породнился с Дионом?

Нет, все дороги ведут в Атрей. Просто интересно, что же там было?

«А тебе-то это зачем? – вступил вредный внутренний голос. – Было – и было, ты что теперь, разберешься и табличку на шею повесишь? Гордись, человек? Смысл изысканий какой? И учти, что герцогские рода без восторга отнесутся к твоим попыткам разобраться, ой без восторга. Как бы не пришлось с камушком на шее поплавать».

Но...

Разбираться – плохо, а не разбираться будет еще хуже. У нее же тоже... та кровь. Вот влюбится...

Ну-ну...

Себе-то врать не стоит, а?

Это не ради мифической влюбленности. Просто въедливость юриста, за которую хвалили в свое время Татьяну, дотошность и даже занудство проснулись и требовали пищи. И никуда уходить не собирались.

А вот Короли женились на дочерях герцогов, это точно. Это было в памяти Алаис – родство королевского рода с Карнавами. Но могли и на простых девушках жениться, дети все равно были здоровы.

Что же получается – у них этого гена не было? Или он был не активен? Или не наследовался?

Так и не придя ни к какому выводу, Алаис доела, расплатилась и отправилась на пристань. Далан тащился в хвосте, иногда почесывая шею. Хоть ошейник с него и сняли, а след остался. Долго еще не пройдет...

* * *

На пристани было шумно, людно, весело...

Алаис шла мимо кораблей, перебрасываясь вопросами с капитанами и матросской братией.

– Куда путь держите?

– В Сенаорит.

– Куда путь держите?

– В Рандею...

– В Иттол...

– В Рентар. Это в Атрее.

Последним Алаис сильно заинтересовалась.

– Атрей? Это интересно... Попутчиков берете?

– А капитан сейчас придет, там и решите, – ответил мужчина лет сорока пяти, по виду боцман.

– Нам бы не пропустить его.

– Да не пропустите. Вон, у статуи подождите, я кликну.

И верно, на каменном основании причала стояла статуя. Большая, из розоватого мрамора, но против солнца было плохо видно детали.

– Статуя? На причале?

– На Маритани с давних пор считают, что по-настоящему великое искусство рождается только в повсе-дневной жизни, – пояснил Далан. – Это статуя Гелона Актесского. Он назвал ее «Ждущая маританка». А идея пришла ему в голову после того, как он увидел лицо жены, выбежавшей ему навстречу. Он ходил матросом на корабле, а жена ждала его на пристани. На эту статую ушло два года, но результат превзошел все ожидания, правда?

Алаис внимательно посмотрела на статую. Луч солнца мелькнул по мраморному лицу – и беглая герцогиня застыла рядом. На миг показалось, что лицо маританки ожило, наполнилось светом и надеждой. И она словно наяву увидела женщину, с которой изваяли статую. Увидела, как она провожает мужа в Море. Провожает со смехом, чтобы не привлечь слезами беду, а потом каждый день ходит на пристань, расспрашивает прибывших людей о корабле, на котором плывет ее муж, – и наконец узнает, что корабль здесь, рядом, сейчас он уже в порту! И бежит, почти летит на встречу с любимым человеком. И на ее лице написано ожидание встречи.

Красота – невероятная.

– И как это согласуется с рабством?

Вот чего Алаис точно понять не могла.

Далан нашел где-то деревяшку, подпихнул ей.

– Не сиди на холодном, нельзя. А рабство... Не знаю. Просто не знаю.

Алаис тоже не знала. Что ж, оставалось ждать капитана. И – да! Любоваться на Море и на статую. Красиво же! Таким и Людовик не побрезговал бы! Любой из.

* * *

Готовиться к плаванию Эдмон начал уже на следующий день. Команда хоть и ворчала, но слушалась.

Капитану виднее.

Да и хорошее место – Атрей.

Сытное, спокойное...

Но прежде, чем отплыть, надо на корабль загрузить припасы, товары, канаты проверить, паруса подлатать, корпус осмотреть...

Ну, с чем и боцман справится, а что и капитан может на себя взять.

Торговать Эдмон не слишком любил, но его корабль – его рука. Договор с купцами за ним, а уж выбрать хороший товар, приглядеть, чтобы не надули, привезти и погрузить – можно и помощнику доверить. Вот и пришлось торговаться, так что на корабль Эдмон возвращался не в самом лучшем настроении. А тут еще боцман...

– Капитан, к нам попутчики просят. Возьмем до Атрея?

Хм-м...

Пассажиров Эдмон предпочитал не брать. Особенно женщин. И условия им создай, и Море им соленое, и вода им мокрая, и перед командой хвостом повертеть...

Двое мальчишек, один, рыжий, постарше, второй, белобрысый, помоложе, тоже доверия не вызвали, но хоть не бабы. И не маританцы, это Эдмон точно знал. А вот у белобрысого на шее полоса, как от недавно снятого ошейника.

Интересно...

Его внимательный взгляд был замечен и не остался без ответа. Рыжий парень тоже провёл по нему взглядом. Насмешливым, оценивающим – ты, конечно, капитан, но и мы не из водорослей сделаны.

– И что привело молодых господ на палубу моего скромного корабля?

Эдмон и не думал скрывать иронию. Белобрысый мучительно покраснел, а рыжий в ответ прищурился еще нахальнее.

– Направление его движения. В Атрей. Груз на борт возьмете?

Эдмон подумал немного.

– А родители ваши знают, куда дети ехать хотят?

– Некому знать, – отрезал рыжий. И так это получилось...

Чувствовалось, что ему до сих пор больно.

– Вы не братья.

– Нет. Я его из рабства выкупил, хочу доброе дело доделать, домой его отвезти.

Эдмон вскинул брови.

– Вот даже как?

– Говорят же – делай добро, бросай его в воду.

* * *

Алаис смотрела спокойно. Не согласится этот капитан – другого найдем. Невелика потеря. Хотя он ей понравился. Красавчиков Алаис не любила, особенно картинных, но этот оказался особенным. Что-то такое в синих глазах, в уверенных спокойных движениях, в улыбке, в растрепанных ветром каштановых волосах... ему можно довериться. Да, именно так.

Этот мужчина с темно-синими глазами вызывал инстинктивное доверие. В нем не было ни капли искусственного.

– Нам с другом надо в Лемарну. Это по пути – или нет?

– Это по пути, – кивнул капитан. – Я могу зайти в Лемарну на день, купить лимонов, высадить вас на берег и отплыть.

– Сколько возьмете?

– Двадцать монет золотом с человека.

– По рукам. Когда быть?

– В последний день пятидневья у нас танцы. Сразу после танцев можете быть на борту.

Мы уйдем с отливом.

Алаис огляделась.

– Мы будем.

– Как вас зовут?

– Алекс Тан и Далан Шедер.

– Шедер? – удивился капитан. – Подождите-ка, это те Шедеры, которые купцы?

Алаис кивнула. Хотя даже отдаленно не подозревала – те или не те...

– Они. Могут Далана кликнуть, поговорите?

– Я давно не был в Атрее. Но знаю, что Шедеры – уважаемое семейство.

– Мы договорились?

– По рукам.

Алаис довольно улыбнулась. Так-то, господа.

Супруг и Эфрон остаются на Лиарде. А она отправляется на Атрею. И можете хоть в проливе утопиться, паразиты! Авось там ее искать никто не будет?

* * *

На пропитание хватит, а больше драть и ни к чему. Все равно корабль туда идет, так что на сопляках наживаться?

Эдмон посмотрел вслед пареньку.

Рабство...

Нельзя сказать, что он это одобрял. И рабы у него в доме жили вполне вольготно. Капитан им платил, как свободным, только просил пять лет отработать, а потом уезжать.

Не слишком хорошо?

А лучше, когда твоя любимая женщина в тягости будет ведра с водой носить и бочки катать? Или дочь надорвется? Или сын?

А тут здоровенные взрослые мужики, восточку он на материк передавал, так что считай – на заработки съездили. Кое с кем он и до сих пор знается.

Вот женщин он в дом не покупал, а мужские руки в хозяйстве нужны. Когда ты постоянно в Море, многое упускаешь. Забор сам собой не подновится, и крыша не перекроется, и уголь наколоть – тоже не женская работа.

Да, сейчас не времена Королей, и Маритани другая, совсем другая. А что остается прежним, так это благословение Моря.

Морской богини.

Маритани.

Как любой маританец, Эдмон не слишком сильно верил в Ардена, Мелиону и Ириона. А вот Море...

В него капитан верил. И в свои предчувствия – тоже. И что-то внутри говорило ему, что поступил правильно. Надо, надо помочь ребятам.

* * *

Пару дней до праздника Алаис носа из комнаты не показывала, только вечером петь выходила. Далан тоже не рвался посмотреть город. Мало ли кого там можно встретить? И кто сочтет бывшего раба своей собственностью?

Алекс, конечно, его будет искать, но ей тоже шум поднимать не с руки. Одинокая девочка, в чужом городе...

Тут проблемы нахватать можно в любой момент.

Книг у них не было, оставалось только разговаривать, есть и спать. Вот и сейчас Алаис отложила гаролу.

– Вечером на танцы и с них на корабль. Пожитки нашихватишь?

– Захвачу. И постерегу. Танцевать мне все равно не надо...

– Там много...

Раньше было меньше, но платья! Ах, какие это были платья!

– Туда вместе дотащим, я тебе что полегче положу. Да и до корабля. А там я уж постерегу.

– И скоро мы будем в Атрее. Если Море будет благосклонно.

Алаис смотрела на Далана. Серьезно, жестко, спокойно... Кое-что между ними уже было договорено.

– Мои родные обязательно тебе помогут. – Мальчишка взъерошил волосы на макушке. – Ты не думай, они не выдадут...

– Смотри сколько им предложат, – пожал плечами Алаис. – Почему ты не приплыл сразу в Тавальен?

– А ты не знаешь?

– Чего именно? Тавальен на берегу моря, но не порт?

– Нет. В Тавальене не пристаёт ни один корабль. И на несколько дней пути тоже.

Алаис помотала головой.

– Почему?

– Говорят, Море лишило Тавальен своего благословения. Если корабль пристанет там, то пойдет на дно раньше, чем минет год.

Алаис не поверила бы.

Раньше.

А вот после своего сна, после воронки водоворота... она поклясться была готова – разумной! Она не стала бы отрицать все так жестко.

– Почему?

– Когда как. Где пираты, где цунами, где шторма...

– Нет, Далан, ты не понял. Почему Море лишило Тавальен своего благословения?

Далан активно зачесал затылок. Потом перешел на шею и для лучшей стимуляции – на макушку. Алаис ждала.

– Тут такое дело... Во времена Королей Тавальен был только захолустным городком. Огрызок такой...

Она кивнула. «Честно» предупредила Далана, что ради удачного брака ее воспитывали в монастыре закрытого типа. Читать – и то почти не давали, все, что оставалось – придумывать сказки, складывать песни... почему они странные – потому что она не знала, как правильно. Что попадалось в руки, то и развивала. Так что не надо удивляться ее глупым вопросам, просто ответь – и закроем тему.

Далан сочувственно кивнул – и старался просветить Алаис обо всем на свете. Даже о том, как правильно сапоги выбрать. А что? Целое искусство, между прочим, начиная с правильной шнуровки сапога и до размера – чуть больше необходимого, чтобы на портянку налезло.

– А когда последнего Короля не стало, ему попытался наследовать герцог Дион. С тех пор его никто не видел.

Алаис даже знала почему.

– У Диона была любимая женщина, а у той – сын.

– От Диона?

– Нет. Она его раньше нагуляла. Ну вот, когда Дион пропал, установилось безвластие. Герцоги растерялись, не удержав поводья в руках...

Ага. Растерялись они. Из-за отсутствия Короля. Битые и тертые мужики, которым власть – что воздух.

Ну-ну...

Нет, тут дело куда как серьезнее. Что именно произошло, Алаис не знала. Подозревала, но догадки не всегда правдивы. Но надо бы добраться до семейных хроник, тогда и подтверждение можно найти. Эх, вот кто ей мешал раньше? Еще в Карнавоне! Черти б побрали Таламира, лез тут со своими свадьбами!

– Того парня звали Эртало Дион, герцог его не усыновлял, но другого имени не сохранилось. Он объявил, что Арден недоволен, и построил первый храм. Второй, третий...

И стал Преотцом.

Ничего нового под луной. Это было и в истории Земли, и, наверное, в истории других миров. Если у людей где проблемы, обязательно найдется хитрый жук, который погрееет на этом лапки. Лучше всего с помощью религии. Уж больно инструмент удобный!

– И все было хорошо, а потом Преотец поссорился с герцогом Тимар.

Тимар. Осьминожки.

Интересно, что они не поделили с первым Преотцом? Вроде бы далеко друг от друга? Хотя...

Если Тимар поддерживал Диона, то сынок мог потребовать выполнения договоренностей. И получить вполне резонный ответ, что союз был с отпрыском Морского Короля, а не... мистера Икс. Так что простите, сударь, поищите своего папашу, с ним и договаривайтесь.

И тут мог начаться конфликт.

Алаис не была уверена, что во всем права, но...

Юрист – это не просто знание законов. Это и определенный тип мышления. Очень... структурированный.

Как Атос в известном фильме: «Д'Артаньян, я допускаю все». Злодейство ли, убийство, кошмар, ужас, чудовищное преступление... Юристы тоже допускают все. И действуют исходя из этих допущений.

– Преотец выжил в результате столкновения?

– Как в воду глядишь! Не выжил. Тогдашний герцог тоже, кстати говоря. А Море вокруг Тавальена стало проклятым.

– Они сражались? Была война?

– Нет. Просто Тимар приплыл один, на корабле, со свитой... и не вышел от Преотца. Их обоих нашли мертвыми. Говорят, в эту ночь Море вокруг Тавальена стало алым, как кровь, потом в нем закишели осьминоги. Ну и корабли перестали туда заходить.

– И сейчас тоже...

– С того времени и по сей день. Так что высаживаешься подальше – и с караваном до Тавальена, или на лошади.

Алаис кивнула.

Вообще, были у нее идеи на этот счет. Эх, не биолог она, но точно помнит, что нечто подобное было в истории. Окрашивались моря в красный цвет...¹

Соответственно, если Море окрасилось в красный... кстати? Читала она что-то еще в родном мире. Кажется, этот планктон был ядовитым, или как-то так. И кто его кушал – помирал. А кто кушал рыбку, которая кушала планктон, помирал тоже. Вот тебе и проклятие.

Эта пакость могла ведь и в питьевую воду попасть, и куда захочешь...

А потом, когда планктон рассосался, дурная слава все равно осталась.

Но не говорить же об этом мальчишке?

– Там тебя и поймали.

– Ага. А дядьку Тисама убили.

Паренек ссутулился, шмыгнул носом.

– Брат твоего отца?

– Нет. Мой воспитатель. С детства еще... Он меня и оружием владеть учил, и защищал до последнего, подставился, чтобы я убежать смог, а я попался...

Алаис по-братски приобняла мальчишку за плечи, давая ощутить живое тепло, погладила по колкой макушке.

– Значит, ты должен жить так, чтобы его смерть не была напрасной, братишка. Заведи детей, воспитывай их, как воспитывали тебя, и отдай этим долг своему учителю. Верь мне, души тех, кто любит нас, остаются рядом. Однажды ты увидишь в глазах своего ребенка отражение близкого тебе человека, и поймешь, что его душа вернулась.

Далан захлопал глазами.

– Ты думаешь...

– Я знаю. Посмотри на Море. Оно вечно. Наши души уходят в Море и возвращаются из него, словно вода.

– А вода возвращается?

Всю дорогу до таверны Алаис посвятила лекции о круговороте воды в природе. Она рассказывала Далану о том, как испаряется вода, потом о сталактитах и сталагмитах, о фульгурите, о карстовых пещерах, но думала совсем о другом.

Атрей.

Удастся ли ей попасть в архивы герцогства?

¹ Цвет Красного моря вызван присутствием в нем сине-зеленой водоросли триходесмиум (*Trichodesmium erythraeum*), или могут быть относимые к растениям динофлагелляты (например, *Gonyaulax* и *Gymnodinium*). (Прим. авт.)

Атрей – это кит. Мудрый, серьезный, и – летописец. Если у кого-то можно разжиться знаниями, то это он. Но как получить просимое, не раскрывая себя? И как себя обезопасить? Все же после рождения ребенка она какое-то время будет недееспособна...

А уж защитить себя и вовсе не сможет.

С местными нравами Алаис достаточно ознакомилась. Если ты женщина, одинока и чуть симпатичнее крокодила – ты добыча. Для каждого. В принципе.

Тебя могут ограбить, убить, изнасиловать...

Обычно слишком ретивых останавливает тень отца, мужа, брата, которые тоже могут потребовать ответа. И не всегда – в суде. В случае Алаис же...

Был один вариант, которым она собиралась воспользоваться. То есть – убедить всех, что она любовница достаточно знатного мужчины. От него и ребенка родила.

Манеры есть, внешность достаточно экзотическая...

Вот с деньгами хуже.

При себе у Алаис были драгоценности рода Карнавон. Красивые, дорогие и приметные донельзя. Вздумаешь такие продавать – засветишься новогодней елочкой. А разломать, вынуть камни из оправы, сплющить саму оправу – у Алаис рука не поднималась. Слишком красиво.

Одна рубиновая нить чего стоит – на тоненькой, как паутинка, цепочке, застыли рубиновые капли-слезки.

Ладно!

Как себя обезопасить, она подумает еще. И придумает. Кстати, можно и правда пойти к кому-нибудь в любовницы. А что? Неплохая идея.

У нее ведь будет ребенок. И не просто ее личный детик, а наследник рода Карнавон. Который рано или поздно обязан будет получить герцогство в свои руки. Это закон крови. Если в Карнавоне будет править тот же Таламир, там скоро начнется веселье. Неурожай, непогода...

Интересно, почему?

Хотя тут Алаис и придумывать ничего не надо было. В это *верили*. Мудрому достаточно.

Если ты случайно сломаешь ногу – это бывает. Это жизнь. А вот если за пару дней до того к тебе подошла цыганка, которую ты послал матом, и она тебе пожелала всяких «радостей», кто будет виноват в переломе?

Правильно, она и будет.

Достаточно просто вбить людям в головы, что без Карнавонов их ждут беды и проблемы – и любую беду они спишут на отсутствие законного правителя. Дешево и сердито.

Так что рано ли поздно Карнавон позовет ее ребенка. И... что дальше?

Как известно, правители не растут в огороде. Кухарки не годятся на то, чтобы править государством, что бы там ни говорили демократы. Герцога надо учить.

Учить тщательно, учить с пеленок, учить тому, что местные дворяне усваивают еще в колыбели.

Алаис может ему это обеспечить?

Нет.

Она сама в местных обычаях путается. Память герцогессы при ней, но это достаточно специфический опыт.

Надо искать учителей.

Надо рожать, приходиться в себя и устраиваться в жизни. Любыми путями. Сама она обошлась бы тихой и спокойной жизнью в глуши. Но дадут ли?

Нет. Не дадут. Помечтать о тихом счастье можно, но готовиться надо к худшему. То есть – рано или поздно ее найдут, значит, ей понадобится защитник. Только вот что он попросит за свою помощь? А, не важно!

В любой истории были шлюхи – и были фаворитки, в конце концов. Был сонм любовниц Наполеона – и была Жозефина. Да даже в нашей истории...

Петр Первый ведь ездил к Анне Монс. Сколько лет ее любил...

Были великосветские шлюхи, имена которых история не сохранила, – и была Нинон де Ланкло.

Неужели Алаис не сможет повернуть нечто подобное? Ум сорокалетней женщины в теле девушки – мечта любой куртизанки.

И ради сына Алаис обязана справиться.

Женщина в этом мире имеет одно право – найти себе мужчину. Вот она своим правом и воспользуется...

Пока же надо прийти в таверну, перекусить, собраться, кое-что прикупить в дорогу заранее – дел хватит.

* * *

Танцы в конце пятидневья...

Как это выглядит на Маритани?

Площадка за городом, достаточно большая, чтобы вместить всех желающих. Даже несколько площадок, друг рядом с другом. Место для угощения, для костров, на которых жарится рыба, для музыкантов...

Туда-то Алаис и направилась. И была встречена не слишком дружелюбными взглядами.

Музыка музыкой, но о мальчишке уже прослышали на Маритани. Столица Сенаорита и то большая деревня, а уж остров...

Маленькая деревня. Очень маленькая.

Алаис подняла руки ладонями к музыкантам.

– Ребята, давайте договоримся сразу. Половину заработка вношу в общий котел. Уезжать скоро, а не побывать на такой гулянке – себе не простить.

Взгляды смягчились. Один из музыкантов, со светло-синими глазами, даже подвинулся, давая ей место.

– Ты с одной гаролой? Плохо слышно будет...

– А я надеюсь, что вы подыграете.

– Не много ли хочешь, мальчишка? – встрял другой музыкант.

Алаис удивленно повела плечами.

– Я же сказал – ровно половину от того, что заработаю. И заметь, я уеду, а песни останутся.

Музыканты подумали, оценили свою выгоду – и подвинулись.

Алаис уселась на ступеньку помоста, пробежала пальцами по струнам – и для разминки выдала соло из испанских гитарных ритмов.

Мужчины прислушались.

Алаис добавила еще жара в исполнение. Долго ждать не пришлось – синеглазый музыкант присел рядом.

– А на две гаролы пойдет?

– А давай попробуем?

Перебор зазвучал так, что люди на площади обратили внимание. Но Алаис на них не смотрела. Ее полностью захватила музыка.

Встреча ветров, песня любви,
Танец огня в капле воды,
Пляска грозы в буре штормов
Звоны безумных колоколов.
Руки взлетят, ветры вскричат:

«Нам эти души принадлежат!»
Не отступлю, не потаю,
Песню свою миру спою...

Пальцы летают по струнам, полыхают огни костров, и на площадь выходят пары танцующих. Музыка захватывает, ведет за собой, подчиняет, покоряется и требует ответа! Она зовет, она приказывает, она зажигается в крови каждого из присутствующих...

Алаис не замечает, как в их диалог с синеглазым вступают другие музыканты. Как подхватывают мелодию, как развивают ее, как на площади начинает звучать настоящий оркестр – она просто играет, как никогда раньше.

И счастлива.

Музыка достигает апогея – и разлетается миллионом искристых огоньков во все стороны.

И на площадь выходит Она.

Одна из девушек?

Возможно, вполне возможно. Просто сейчас ее никто не узнает. В эту минуту она стала почти воплощением Маритани.

Высокая, в длинном алом платье, черная грива волос мечется по спине, пышная юбка открывает круглые колени...

– Играйте!

И столько власти в ее голосе, что отказать нельзя, никак нельзя.

И Алаис вновь начинает гитарный перебор. В нем все. И весенняя капель, и колокола, и кастаньеты, и неровный стук сердца, и вкус терпкого красного вина... это музыка страсти, которую дарит ей остров. В эту минуту она не думает ни о чем. Ее нет в этом мире.

Есть только Море.

Только небо.

Только музыка.

Я пролечу бури, шторма.
Я для тебя вечно одна.
Ты для меня в мире один.
Я прилечу, ты подожди.
Кровью сердец, вихрем любви
Буду с тобой, лишь позови.
И не зови – я прилечу.
Птицей прильну нежно к плечу...

И мечется, жалобно крича, над Морем одинокая птица. Взлетают крыльями руки танцовщицы, вспыхивают языками черного пламени волосы, сияют синие глаза на лице девушки невозможным, безумным светом...

И, жалобно крича, рвутся под пальцами музыкантов струны.

На дерево помоста падают капли крови из пораненных пальцев.

Алаис с трудом приходит в себя, подносит ладонь ко лбу, вытирает пот, заливающий глаза... и только потом обнаруживает, что пальцы у нее еще и в крови. Вот черт!

Больно...

Танцовщица уже ушла, но народ не торопится выходить в круг. Кто-то касается плеча девушки.

– Ты бы, парень, пока сходил, руку перевязал. Мы подождем. Все одно еще с полчаса тихо будет.

Алаис недоуменно вскидывает брови.

– А что вообще?..

Музыканты переглядываются. Потом слово берет синеглазый.

– Ты же слышал небось у сухопутных, что Мелиона менестрелей отметила?

– Да...

– Это они наше переврали. Говорят, что Маритани любит музыку. Сама поет, а иногда и послушать выходит. Может духом вселиться в человека, и тогда... ты сам видел.

– Видел...

И верно, безумие какое-то. И как ее так повело? Вроде и не пила ничего... может, тут в костер гашиш добавляют?

– Это как благословение. Теперь, считай, год удача будет. Дети будут здоровы, Море спокойно, порадовали мы Маритани. Только людям надо в себя прийти. Все же богиня, не абы кто...

Алаис сильно подозревала, что это не богиня, а массовый психоз, но не спорить же?

Перевязать пальцы, взять медиатор и НЕ УВЛЕКАТЬСЯ! Когда еще пальцы заживут!

Тьфу!

* * *

Далан наскоро перевязывал Алаис пальцы клоком рубахи и бурчал что-то про ошалелых музыкантов. Она только отмахнулась и отправилась опять на площадь.

Хорошо пошло...

Что там была за женщина?

Да какая разница! Мало тут девчонок? Кто-то решил потанцевать, а дальше...

Массовая истерия – штука заразная и опасная. Бывали в мировой истории случаи, люди не то что танцевать – воевать кидались! Так что тут легко отделались.

Народ опять же доволен. Монетки кидают, беседуют, угощаются...

Алаис тоже подвинули кружку с вином и жаркое, но она отмахнулась. Не время.

И опять понеслись над площадью аккорды.

Бури уйдут, мінут года,
Я для тебя – и навсегда,
Ты для меня, и на двоих
Делим мы душу, сердце и стих...

Алаис перебирала струны, отдаваясь музыке всей душой. Ах, как она когда-то пела! Еще в том мире, в юности, на концертах! И пусть высот примадонн она не достигла – характер не тот, да и страшно было поставить все на талант, но зал начинал жить ее песней. Здесь и сейчас было то же самое...

Далан собирал монетки, честно деля их на две кучки. И думал, что ему повезло.

Все же Алекс хорошая. И играет так...

Надо будет попросить ее научить. Вот во время плавания...

* * *

Один раз Алаис едва не сбилась с такта. Когда увидела на площади Маркуса Эфрона. Но – Маритани миловала сегодня. Юный граф уже был бессовестно пьян и пытался ухватить за попу какую-то девушку. Пяти минут не прошло, как маританцы изловили героя-любовника и потащили в темный угол, объяснять местные правила приличия. И правильно, нечего местный генофонд графьями загрязнять, нехорошо это...

Алаис пожелала тьеру Эфрону, чтобы ему оторвали женилку напрочь, и за полночь исчезла с площади, честно поделив гонорар с музыкантами.

– Ты ТАК играла! – восторгался Далан.

– Зато теперь руки лечить...

– Серьезно ты их?

– Думаю, до конца плавания. Придется медиатором играть.

– Ме?..

– Плектром.

Это тоже ничего не объяснило парню. Пришлось демонстрировать костяную пластинку и объяснять, что можно-то играть чем угодно, но ей привычнее так.

Какая-то девушка вылетела из переулка, натолкнулась на Алаис и едва не уронила ту на землю.

– Ой! Прости!

Алаис устала так, что даже ругаться желания не было. Поэтому она просто отмахнулась, мол, ерунда, но девчонка вцепилась клещом.

– А я тебя узнала. Ты на площади играл!

– И что?

– А хочешь – поменяемся?

Алаис с удовольствием послала бы девицу меняться с тритонами, лишь бы добраться до корабля, рухнуть там в гамак и проспаться часиков двадцать – беременность утомляла. Но... сейчас начнешь скандал, прибегут маританцы... им Эфрона наверняка для разминки не хватит.

Нет уж, не нарываемся.

– Чем ты хочешь меняться?

В синих глазах девчонки блеснули озорные огоньки.

– Например, ты мне платок, а я тебе то, что дороже любого платка.

Надеюсь, не соплю?

Вслух Алаис этого не озвучила, просто стянула с головы бандану и протянула девушке.

– На, возьми на память.

Та ухмыльнулась, принимая черный лоскут.

– Хороший ты человек...

Поцеловала Алаис в щеку – и только черная пряда за углом мелькнула.

Алаис фыркнула.

Надо сказать, девчонка не соврала. Поцелуй хоть и не имеет денежного эквивалента, все же дороже банданы!

– Ты ей понравилась, – хмыкнул Далан.

– Да ну тебя...

Гамак вешать пришлось мальчишке. Алаис вымоталась до полного свинства. Так, что упала в койку – и заснула.

Наглухо. Мертвым сном.

Она не слышала, как собиралась команда, как Эдмон командовал отплытие, как корабль вышел в Море.

Алаис спала, и ей снилась давешняя танцовщица с площади.

Она плясала на гребне волны, волосы ее, на этот раз белые-белые, сливались цветом с морской пеной, а глаза горели неистовым синим огнем.

Маритани...

* * *

Ант Таламир с презрением и негодованием оглядывал «свое» родовое владение.

То есть замок Карнавон.

М-да, знал бы – не увозил бы жену. Было полное ощущение, что именно Алаис поддерживала эту грудку камней в приличном виде, а без нее все разболталось к Ириону!

Полы не метены, окна не мыты, перила не чищены, посуда грязная и жирная... Чтобы все поняли и осознали господское негодование, пришлось надеть котел на голову управляющего и постучать сверху кулаком. Хорошо вошло!

Слуги поняли и забегали подстреленными зайчиками... с тем же результатом. Если порядка не было, откуда ж ему срочно взяться? Да еще когда все волнуются, да хозяин хлыстом по ноге похлопывает... Когда Таламира едва не облили вином, он плюнул на все, рывкнул, что к утру замок должен сиять и блеснуть, или он всех на конюшне заперет, и отправился спать.

Увы, долго ему проспать не пришлось.

Герцогская спальня Карнавона обладала потрясающим окном. Большим, витражным...

Вот в это окно и влетела, что есть дури, подхваченная порывом ветра чайка. А уж с какой силой ее туда занесло...

Таламир подскочил на полметра над кроватью, вылетел из спальни, и только в коридоре, едва не сбив лакея, пришел в себя достаточно, чтобы взять факел и отправиться обратно.

Картина была неутешительной.

Окно было безнадежно испорчено, на полу в луже воды подыхала птица, а в дыру хлестал дождь, да так, что кровать, стоящая неподалеку от окна, уже наполовину промокла.

Таламир злобно выругался и отправился досыпать вниз. В караулку. К солдатам.

Хорошего настроения ему это не прибавило.

А трехдневный шторм и перешептывания слуг, что, значит, началось, не принимает землица супостата, надо бы его на Море попробовать, – тем более.

В воздухе Карнавона запахло неприятностями.

Глава 2

В этот раз путешествие прошло для Алаис со всем возможным комфортом. Конечно, никто не отменял и трюм, и туалет, и все остальные проблемы, но когда у тебя есть напарник – все намного легче. Да и команда здесь была лучше, и кормежка, и отношение к Алаис другое – она уже зарекомендовала себя на Маритани, ее видели на площади, слышали ее игру и были уверены, что если певец захочет остаться на острове – старейшины согласятся.

«Менестреля» зауважали.

Капитан судна, Эдмон Арьен, оказался потрясающим мужчиной, будь она лет на двадцать постарше – точно влюбилась бы.

Умный, симпатичный, веселый, с потрясающим юмором и удивительным отношением к жизни, отношением полностью спокойного и счастливого человека.

Эдмон придерживался в жизни простых истин. У него была семья – любимая. Были Море и Маритани – обожаемые. И был корабль. Просто часть сердца моряка.

Что еще надо для счастья?

Да ничего!

Ты уходишь из дома с улыбкой, потому что тебя зовет любимая работа. Ты возвращаешься домой с улыбкой, потому что тебя ждет любимая семья.

А поскольку Алаис с ним была полностью согласна по обоим пунктам, общий язык они нашли моментально. Настолько, что часть пути Алаис проводила на капитанском мостике, радуя народ «своим» творчеством.

А поскольку времени на развлечение команды она тратила больше, то и историй потребовалось больше. Алаис подумала, да и замахнулась на классические сюжеты.

«Ходжа Насреддин», «Граф Монте-Кристо», «Хромой бес», Мольер и Шекспир, Пушкин и Гоголь...

То, что близко и понятно людям, что интересно им в любых мирах. Страсть и месть, коварство и жадность...

– ...Но повесть о Ромео и Джульетте останется печальнейшей на свете...

Алаис закончила грустную историю. Кое-кто из моряков отвернулся, не желая показывать покрасневшие глаза. Эдмон хлопнул девушку по плечу.

– Так, Алекс, хватит. А то разбаловались, на мачты не загонишь!

Алаис послушно спрятала в карман медиатор. Народ понял, что продолжение вечером, и принялся расходиться.

Алаис осталась сидеть на мостике.

Увы, внизу ее уже начинало подташнивать.

Токсикоз или просто укачивало – она не знала. И молилась всем богам, чтобы беременность прошла без осложнений. Видела она в своем мире...

И как блевали, и как в обморок падали, и как выкидыши получали, на сохранении лежали, внематочными баловались...

Чего только не было!

До Атрея им оставалось примерно дня два.

Алаис молча смотрела на Море. Ей было уютно и спокойно. Ветер перебирал грязно-рыжие волосы, губы были чуть солеными, но солнце почему-то не обжигало чувствительную кожу. И она с радостью пользовалась моментом.

Молчание нарушил Эдмон.

– Нам надо поговорить, Алекс.

– Слушаю, капитан?

– Я хочу знать, нужна ли вам помощь?

Алаис искренне удивилась, но ответ был предсказуемым.

– Нет, капитан.

– А как тебя на самом деле зовут?

– Алекс. А что?

– Это не женское имя.

Эдмон не отрывал рук от штурвала, смотрел вперед, потому и не видел, как Алаис борется с дурнотой. Сделала вдох, другой, третий... выдохнула.

– Простите?

– Алекс, я не полный идиот. И женщину отличу. Я не понимаю, почему вы прячетесь, и хотел бы знать, нуждаетесь ли вы в помощи?

– Нет, капитан, – вздохнула Алаис, – не нуждаюсь.

– Тогда к чему этот маскарад? Вы плывете на моем корабле, и мне хотелось бы знать все.

Случись что – и мне хлебать последствия большой ложкой.

Это было справедливо, но рассказывать правду Алаис не собиралась. С Даланом ее версия прошла, с Эдмоном тем более проблем быть не должно. Так что...

– Сбежала от жениха. Кстати, возвращать меня ему не советую, я уже товар порченный.

– Я и не собирался. А жених кто?

– Купец, удалой молодец. На сорок лет меня старше.

– Алекс, я и сам из дома сбежал, так что и тебя не приневолю. Просто если нужна помощь – обращайся. Ладно?

– Спасибо.

Алаис сомневалась, что обратится к Эдмону, но мало ли что?

Поверил ли ей капитан?

Может быть, и поверил. Не до конца, понятно же, что никто исповедоваться малознакомому человеку не станет, но в основной части рассказа лжи не было. Она просто опустила титулы и не сказала, что брак уже состоялся.

Главное, что устраивало Эдмона, сам капитан ни при чем. Не вез он никаких девушек. Вез мальчишек-менестрелей. Все.

* * *

Этим же вечером они шептались с Даланом.

– Капитан все понял.

– Что?

– Что я женщина.

– Ирион! И что теперь?

– Да ничего. Я не красавица, к тому же у капитана есть супруга. И в любом порту есть посимпатичнее меня.

– Он обещал молчать?

– Да. И предложил обращаться, если понадобится помощь.

– Образишься?

Алаис пожала плечами.

– Не хотелось бы. Я надеюсь, что нам удалось оторваться, то есть мне. Ищут девушку, а я теперь парень. Волосы перекрасила, вот глаза...

– Красивые у тебя глаза. Редкие, конечно...

– Красные, как у кролика.

– Фиалковые. Красивые.

Алаис чуть из гамака не навернулась.

– Далан, ты рехнулся?

– А что?

– У меня глаза всю жизнь были красные. Серьезно.

– Почему?

– Мне не сказали почему, – окрысилась Алаис. – Знаешь, сколько я с этой красноглазостью натерпелась? Может, повитуха чего напортила при родах, может, чья кровь так интересно вылезла... Не знаю! Но – красные! Как у кролика!

Далан помолчал пару минут. Подумал.

– Алекс, я не знаю, как раньше, но сейчас у тебя глаза лиловые. Ярко-лиловые, красивые такие...

Алаис плюнула и полезла в свой мешок с пожитками, раскапывать крохотное серебряное зеркальце.

Раскопала – и еще раз плюнула. Света в трюме не хватало.

Пришлось выйти на палубу.

Да, полированное серебро – это не стекло, и луна плюс звезды не составят конкуренции электричеству. Но даже здесь и сейчас было заметно, что цвет глаз у нее поменялся.

Он стал темнее, насыщеннее, может, и правда – лиловые?

Тогда слава Маритани!

Далан сопел за плечом, намекая, что хорошо бы и спать пойти. Пришлось убираться с палубы и устраиваться в гамаке. Далан уже давно сопел в две дырочки, а Алаис напряженно размышляла.

У нее поменялся цвет глаз.

Когда это произошло? На Маритани?

Да, наверное.

А почему?

Вот этот вопрос ее интересовал больше всего. Причин было множество, самая простая из них – беременность, гормональный стресс, как следствие – проявившаяся пигментация, если еще и волосы потемнеют – это точно оно. Недаром же она спокойно находится на солнце, не рискуя получить ожоги.

Надо будет на берегу смыть краску, посмотреть, что получится, и если волосы станут не кипенно-белыми, а серыми, например, то жизнь удалась!

Будут искать красноглазую девушку с белыми волосами. А она теперь с фиолетовыми глазами, что не такая уж редкость в мире, и если что – оставит рыжий цвет волос. Или вообще в каштановый перекрасится. Уж подберем тона как-нибудь. Смешаем хну, басму... много в мире есть природных красителей.

Смена цвета глаз – громадный плюсики в карму.

Конечно, ее могут не признать, но... ей хватит рассказать, что хранится в тайниках. Мигом согласятся, что она Алаис Карнавон. Опять же в этом мире знают про отпечатки пальцев. В родовой книге Карнавонов есть отпечаток ее ладони. Руку мазали чернилами, прикладывали к странице под ее именем. Так что доказать свою подлинность будет несложно.

Если она вернется победительницей, сомнений и так не возникнет.

Что еще может быть причиной?

Маритани.

Алаис знала, что у тех, кто «благословлен Морем», меняется цвет глаз на синий. Красный плюс синий как раз фиолетовый и выйдет. Правда, с чего ее вдруг Море благословило? Из-за «карнавоности»?

Неубедительно. Скорее, там или радиоактивный фон, или лопают они что-то такое, что влияет на выработку пигмента... недаром же маританцы в основном черноволосые, синеглазые, смуглые...

Хотя и не показатель.

Последнюю версию Алаис рассматривала по привычке.

Маритани. Только не остров, а богиня. Маританцы свято верили, что Маритани может встретить человека, заглянуть в его душу и выполнить самое заветное желание. И не была ли та девчонка, которая выменяла у Алаис бандану?..

Ну нет! Это уж вовсе бред! Только богам и дела по земле гулять и за народом приглядывать!

Все же глаза – это гормональное. Не было пигмента, а после беременности он начал вырабатываться. Бывает ли такое?

В нашей жизни все бывает, тем более что альбинизм – разных видов. Вроде бы при каком-то из них пигмент может начать вырабатываться со временем. Эх, сюда бы медицинскую энциклопедию!

Но чего нет, того и не появится. В следующие лет триста – точно.

Алаис плюнула, завернулась в одеяло покрепче и попробовала уснуть. Не сразу, но это удалось.

А утром она еще раз посмотрела в зеркало – и искренне порадовалась.

На бледном лице (но не молочно-белом, не как смерть) сияли большие фиолетовые глазищи.

Какая прелесть!

Семейство Даверт

– Что значит – нет денег?

Эттан не повышал голоса, но собеседник все равно покрылся крупными каплями пота.

– Пресветлый... мы очень сильно потратились в последнее время.

– Да?

– Вот... извольте взглянуть.

Эттан взглянул.

Все верно. В круглую сумму влетела свадьба, приданое Лусии, дом в Тавальене, кое-какие привычки Преотца... ох, много чего. А вот с поступлениями было куда как хуже.

Какой век Храм Ардена боролся за отчисления от налогов – бесполезно. Герцоги отказывались их платить, а надавить на заносчивых тварей было особо нечем. Приходилось жить на пожертвования, а это дело добровольное. Некоторые уже и не по разу добровольно жертвовали...

Можно бы расширить круг добровольцев, но Эттан не сильно обольщался.

Преотец – это сила, но в основном в Тавальене. А попробуешь надавить на королей, так могут и под стены Тавальена с дружеским визитом прийти. Поинтересоваться, не тесна ли некоему Преотцу его мантия?

Это не выход.

А где выход?

Предстоящий Синор негромко кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Пресветлый...

– Да?

– Мы можем обратиться к Ордену Моря.

– Да? – в голосе Эттана проскользнули заинтересованные нотки.

– Вполне. Их миссии разбросаны по всему миру, они занимаются торговлей, они богатеют, а отчислений от них казна веками дожидается.

В голосе предстоящего звучала глубокая личная обида. Казна-то в его ведении... Непоступление в нее денег он считал своей личной глубокой обидой.

Эттан призадумался.

– Ладно. Напишите магистру, пусть Шеллен прибудет в Тавальен для личной беседы.
– Повинуюсь, пресветлый.

Предстоящий Синор спрятал ухмылку в уголках глаз. Зная магистра Шеллена, зная Эттана...

Если они не поссорятся – зовите его мальком! А там настанет время и для второго хода. План тьера Эльнора начинал воплощаться в жизнь.

* * *

Луис проклял все.

Он искренне возненавидел и Карстов – не могли окопаться где поближе, и отца, из-за амбиций которого пришлось так далеко отправлять Лусию, да и саму Лусию... прибил бы сестричку! Больно!

Все он понимает, любит эту соплюшку и в обиду ее никому не даст, но насколько ж лучше было бы везти ее связанной, в сундуке и с кляпом во рту.

Лусия никогда не выезжала дальше чем на день пути от Тавальена.

Красоты пути ей приелись на третий день, само путешествие на пятый, и пошли капризы. Истерики, слезы, укоры, потом опять истерики – и все по кругу.

Тьер Немор скрипел зубами, но ничего сделать не мог – маркиза.

Луис скрипел зубами, но надавать сестренке оплеух уже тоже не мог – оскорбление всего рода Карстов.

Слуги и служанки, предусмотрительно прихваченные с собой, зубами не скрипели – сточили их почти до основания еще в первые десять дней пути.

Охранники скрипели зубами и мечтали о нападении разбойников – хоть на ком бы злость сорвать! Разбойники чуяли подвох и благоразумно не попадались на пути.

Так что, увидев замок герцогов Карст, Луис с чувством сотворил знак Ардена и выдохнул:
– Доехали!

Тьер Немор последовал его примеру.

– Как! – возмутилась Лусия. – Я! Не одета должным образом! Не причесана! Грязная с дороги! Уставшая! И в замок?! Вы с ума сошли!!!

Пришлось признать, что ее возмущение обоснованно. Луис уедет, а ей здесь жить. Привези чумазую растрепу, так потом девчонка всю жизнь не отмоется.

Пришлось останавливаться в небольшом трактире у дороги, заказывать для Лусии горячую воду и ждать, пока девушка приведет себя в порядок.

Увидев сестру, Луис понял, что ждал не напрасно. Лусия была великолепна в облаке бледно-лилового шелка. Белоснежная кожа, аметисты в волосах и на шее, громадные глаза, очаровательная улыбка...

Тьер Немор и охрана, натерпевшись за это время, взирали на нее без восторга. Но на всех не угодишь. Луис помог сестренке усесться в карету.

– Ты великолепна, малышка.

Пальцы девушки были ледяными.

– Луис, как ты думаешь, мы... сможем?

– Все у вас будет хорошо, – заверил ее Луис. – Нет такого мужчины, который устоит перед твоей красотой.

И он верил в то, что говорил.

* * *

Их встречал весь город.

Под приветственные крики, под музыку, под цветы, летящие с балконов, Лусия проехала по главной улице напрямиком к храму.

Там ее уже ждали.

В небольшой комнате было готово роскошное платье для венчания, в которое и принялись переодевать растерянную девушку. Попутно ей поднесли бокал с пурпурным вином, в которое, как потом поняла Лусия, было что-то подмешано. Но, ни о чем не подозревая, она выпила его до дна, а потом все воспринималось словно сквозь золотистую пелену.

Храм...

Жрец в роскошной мантии.

Смесь цветов, запахов, вкусов, чьи-то лица, глаза, голоса, все кружится в едином калейдоскопе, надо бы сосредоточиться, но не получается. Да и к чему?

Люди вокруг, так много людей... где-то рядом мелькнуло лицо Луиса?

От волнения девушка не видела ничего перед собой, только когда ее подвели к алтарю, она что-то поняла. Но разве не к этому она стремилась?

Незаконнорожденная тьерина Даверт становилась маркизой Карст, можно ли прыгнуть выше?

Разве что в короли, но это несравнимо по древности рода. И Лусия отвечала жрецу, клялась быть верной и честной, надевала супругу жемчуга на шею...

И только когда настало время поцелуя, она взглянула мужу в лицо – по-настоящему.

И холодок сжал когтистой лапкой ее сердце.

Глаза Мирта Карстского были абсолютно пусты и безразличны. Перед ним могла стоять очаровательная девушка, а могла стоять табуретка, на которую надо повесить жемчуга. Разницы он не заметил бы.

Равнодушное лицо принадлежало симпатичному парню, только вот Лусия его не интересовала. Он смотрел куда-то вдаль и видел что-то свое. Девушка глубоко вздохнула, но тут ее обняла свекровь, потом свекор, потом пошли незнакомые люди с выражением восхищения, а муж... муж куда-то исчез.

Тьер Немор поддерживал маркизу под локоть, что-то говорил, но Лусия ничего не понимала.

На свадебном пиру она вновь сидела бок о бок с мужем, но ничего не ела. Только пила вино, которое ей подливали.

Что было в нем?

Лусия не знала, но золотистая пелена не ослабевала. Ей было легко и весело.

И закончился вечер в роскошной спальне.

Лусия не помнила, кто ее раздевал, кто уложил в кровать, как прошла сама брачная ночь...

Она ничего не помнила. Она провалилась в пушистое облако и поплыла на нем по небу над громадным розовым Морем.

* * *

Луис видел, как уводили сестру.

Лусия показалась ему чуть растерянной, но это же нормально? Она обычная девушка, сегодня ее свадьба, все в порядке. Все логично.

Мирта Карстского Луис разглядывал очень внимательно. И мог только пожать плечами.

Парень как парень. Ничего о нем не скажешь, ни хорошего, ни плохого. Обычный. Отстраненный какой-то, но это можно понять. У него могла и пассия быть, и любовь, а тут женись! Да по воле отца!

Тут любой мальчишка бы надулся.

Ничего, Луис с ним еще поговорит.

И Луис отдался развлечениям.

У него были очаровательные соседки, на одну из них, блондинку с пышной грудью, едва не вываливавшейся из низкого выреза, он уже положил глаз и всю флиртовал, когда рядом появился Массимо.

– Тьер Луис...

– Что-то серьезное?

Первой фразы хватило, чтобы мужчина извинился перед блондинкой и встал из-за стола.

– Да. Ваш конь нервничает. Вы бы его успокоили, а то конюхи волнуются.

Коня Луис любил. Янат был не просто умным и понятливым жеребцом, каких много. Он был куплен по велению души.

Бывает так.

Идешь по улице, видишь, как хлещут плетью коня, и вмешиваешься, даже не думая о последствиях. Забираешь бедолагу, приручаешь к себе...

И вроде бы ничего особенного, обычный гнедой конь, не бог весть какой красоты, но умный. Гордый, злопамятный, характерный...

Луис с десятком женщин возился меньше, чем с Янатом.

Но приручил – и получил взамен верного друга. Настоящего, которому мог довериться в любой момент.

И если Янат нервничает...

Луис подумал, что может провести ночь и на конюшне, с другом. Да, другом. Баб много, а таких коней, как Янат, в жизни считаное число бывает.

* * *

Конь действительно немного нервничал. Луис выгнал из конюшни всех конюхов, прошел в денник, обнял коня за шею. Янат посмотрел умными лиловыми глазами, всхрапнул, положил голову Луису на плечо и затих.

Друг рядом.

Все хорошо...

Массимо молча ждал, пока тьер Даверт соизволит оторваться от коня. Минут пятнадцать ждал, потом Луис и конь посмотрели на Ольрата и почти одинаково вздохнули.

Мол, догадываемся, что все не просто так. Говори.

Массимо таиться не стал. Но заговорил тихо-тихо, так, чтобы, если кто под дверью подслушивает, все равно не понял ничего. Чтобы и в двух шагах слышно не было.

– Я тут потерялся среди слуг. Им настрого запретили с нами разговаривать, но пара золотых кому хочешь язык развяжут. За вами-то следят, пришлось Яната просить, чтобы побуянил.

– За мной следят?

– За всеми, кто с тьериной приехал.

– Почему?

– Потому что ее брак... может быть, что вам придется ее домой везти.

– То есть? – напрягся Луис.

– Мирт, старшенький у герцога, болен. И серьезно.

– Чем?

– А ему что жена, что доска... Ему до мира дела нет, он весь в себе живет. Сможет ли он супружеский долг выполнить – неизвестно, но счастья у вашей сестры в этом браке точно не будет, разве что любовника заведет.

Луис задумался.

– Это точно?

– Я его вблизи не видел...

Теперь задумался еще и Луис.

Вообще, все укладывалось в схему.

Если Мирт действительно... отстранен от жизни...

– Он слабоумный?

– Нет. Он не жестокий, не злой, по словам одной из служанок, Мирт что деревяшка.

Поставишь – будет стоять, положишь – будет лежать.

– Никого не бьет, не мучает...

– Нет.

– А женщины?

– Какие женщины, тьер Луис? Доске они нужны?

Луис согласился, что не нужны, и задумался.

Вот, видимо, что пыталась узнать его мать. И узнать-то ничего не могла. Мирт не болен, он просто странный. Но и это не выносится за ворота герцогского замка.

Тогда объяснимо и все остальное. И женитьба Мирта на незаконнорожденной, и спешка, и взгляды тьера Немора на Лусию, и поспешность заключения брака, и...

– С-суки...

Первым желанием Луиса было найти герцога и потребовать ответа.

Вторым – забрать сестру и увезти.

Третьим... на плечо Луиса легла рука Массимо.

– Не спешите, тьер, хуже будет. Мы тут одни, а у герцога людей...

Луис словно на стену налетел. А верно ведь. Здесь они на чужой территории, герцог Карста здесь король и бог, а они? Прикажет герцог – и будет Луис обживать подземелье замка или ближайшее кладбище. Без малейшей возможности помочь сестре.

Нет, так дело не пойдет.

Кавалерийский налет на замок отменяется. У Луиса не так много людей, и тех он взял по настоянию отца, и перепились они сейчас наверняка. Даже если он вломится к Лусии среди брачной ночи, если увезет сестру, все равно далеко они не уйдут.

Это не дело.

А как поступить правильно?

Пировать, развлекаться и не показывать виду. Задержаться здесь на двадцать-тридцать дней, обойдется отец без него, ничего не случится. Заодно и в архивах покопаться. И если Лусия хоть словечко скажет, хоть бровью поведет – забирать сестру и удирать. В Тавальен. Под крылышко к отцу. Оттуда выдачи не будет. Но бежать надо продуманно.

Это Луис мог бы уйти. И от погони, и из Карста, и куда угодно. Лусия так не сможет, она нежная, избалованная девочка, мамина любимица...

Сестру он не бросит, если все действительно так. Но сегодня его переиграли. Признавать свое поражение было неприятно, но Луис не собирался лгать самому себе.

Сегодня он в проигрыше.

Завтра он победит!

Мужчина посмотрел на Массимо.

– Постарайся узнать все, что сможешь. И про герцога, и про его сына, и про супругу.

Только по-тихому.

– Да, тьер Луис.

Массимо повел глазами на дверь конюшни. Там что-то шумело, шелестело...

– Да, пора, – громко произнес Луис и погладил бархатный конский нос. – Все хорошо, мальчик мой, все хорошо, Янат, я рядом, я завтра обязательно приду. А сейчас ешь, пей и отдыхай, тебе тяжело пришлось...

* * *

Лусия открыла глаза.

Теплый солнечный зайчик щекотал ей нос, плясал по лицу, цеплялся за губы, скользил лапкой по щеке.

На шее шевельнулось что-то теплое, будто живое, Лусия медленно подняла руку, коснулась голубоватой жемчужины...

Память возвращалась медленно и неохотно. Шаг за шагом, минута за минутой, и потом вдруг...

Я же вчера вышла замуж!

Вспоминались голубые глаза супруга, вспоминался жемчуг, который она надела ему на шею, пир, но как-то смутно, урывками...

При двух очень умных родителях сложно быть душой – Лусия ею и не была. Капризная, избалованная, но вовсе не глупая. Она не закричала, не стала биться в истерике, она просто лежала и вспоминала.

Вот они с Луисом на постоялом дворе. Она переодевается и очень волнуется. Скоро встреча с женихом.

Вот они проезжают по городу. Она растеряна и чуть напугана, но поднимает руку, кланяется в ответ на приветствия, паж, который едет вслед за ней, рассыпает золотые монеты, и люди дерутся из-за них. Пусть нечетко, но она все это помнит.

Вот она в преддверье Храма. Там ее уже ждет роскошное свадебное платье. Там же ждет и тьерина Велена, госпожа герцогиня Карст. Она же и предлагает Лусии вина с дороги. Девушка послушно пьет – и вот тут начинается нечто непонятное.

Дальше все размыто, словно по свежей акварели кто-то провел мокрой тряпкой. Еще видно, что это был рисунок, но опознать в синем пятне Море, а в зеленом дерево уже не получается.

Меня опоили?

Кто?

Зачем?

Лусия поднесла палец ко рту, прикусила ноготь. Сколько раз мама ругала ее за эту привычку, и вот, пожалуйста, опять...

Кто? Это и так понятно, тьерина Велена. Свекровь.

Зачем? И это ясно. Чтобы выдать замуж. Видимо, они чего-то боялись, но чего? Лусия сдвинула брови и принялась грызть ноготь еще активнее.

Жених вспоминался урывками. Но свадьба состоялась, жемчужина на шее тому подтверждение. А...

Лусия шевельнулась – и тут же перевернулась на живот, уткнулась носом в подушку, давя случайно вырвавшийся крик.

Под одеялом она была абсолютно голой.

И...

Одеяло отлетело в сторону, а под ним...

На простыне было пятно крови.

И на бедрах Лусии была кровь, и синячки на запястьях, и на бедрах, словно ее кто-то держал... ее... она...

Это оказалось слишком для девушки.

Лусия рухнула плашмя на кровать и забилась в истерике.

* * *

Луис неплохо провел ночь. Блондинка оказалась в меру страстной и очень покладистой, именно это сочетание в постели Луису нравилось.

А утром как ни в чем не бывало спустился к завтраку.

Компания была небольшой, но приятной.

Герцог Карст, его супруга, тьерина Велена, две дочери, которые очаровательно зарделись при виде красавца Луиса – и тут же получили строгий взгляд от матери.

Луис поклонился и не удержался от шалости – поцеловал всем дамам ручки. Теперь покраснела и тьерина Велена – все же Луис убийственно действовал на женщин.

Герцог склонил голову, предлагая свойственнику присоединиться к трапезе, Луис ответил благодарным полупоклоном и занял указанное место. Застольная беседа шла спокойно. Луис восхищался красотами Карста, выразил надежду, что ему позволят задержаться тут хотя бы на пять-шесть дней, и получил полное дозволение. Не гнать же родственника в обратный путь, не дав даже дух перевести?

Даже если очень хочется это сделать.

Трапеза шла своим чередом, потом в столовую вбежала служанка, склонилась к тьерине Велене, что-то шепнула на ухо, герцогиня быстро промокнула губы салфеткой и встала.

– Прошу меня простить.

Если бы не Массимо, Луис не забеспокоился бы. Но сейчас у него в душе ворохнулось что-то тяжелое, неприятное...

Он вскинул глаза на герцога.

Кажется ему – или Донат Карст смотрит на него с холодным, тяжелым удовлетворением сытого ужа?

– Что-то случилось?

– Ничего особенного. Молодые проснулись...

– О да! – Луис расплылся в откровенно похабной улыбке. – Думаете, они к нам спустятся?

Герцог пристально вглядывался в Луиса, но куда ему было до Эттана Даверта? Тот знал своего сыночка, а вот для Карста Луис был обычным тьером. Сопляком, которого легко обмануть. И Донат чуть расслабился.

– Сегодня даже не знаю. Возможно, завтра?

– Их дело такое... хотите внука, ваша светлость?

Голубые глаза герцога вдруг полыхнули огнями.

– Да.

Интересно. На что это я наткнулся?

– Мой отец тоже хотел бы внуков, – протянул Луис. – Он вообще честолюбив, и породниться с вами – это громадная честь для семьи Даверт.

Герцог благосклонно кивнул.

– Скажите, могу ли я скопировать для отца родословное древо семьи Карст?

В этой просьбе не было ничего странного. Герцог окончательно расслабился и махнул рукой.

– Разумеется, тьер Даверт. Я отдам приказание слугам...

– Я знаю, что у вашего семейства громадная библиотека.

– Да, еще при древних Королях наша семья была хранителем истории. Наша фамильная библиотека насчитывает не одну сотню лет, а некоторым книгам около тысячи лет². Их даже открывать нельзя. Мои предки приказывали сделать с них копии...

² Пример – Остромирово Евангелие, которое сохранилось до наших дней.

– Это потрясающе! А вы позволите их увидеть?

Герцог Карста улыбнулся. О книгах он говорил так, как другие говорят о детях – родных, любимых, нежно сберегаемых...

– Разумеется, в моем присутствии...

– Конечно! Но когда?

– Можем пройти в библиотеку сразу же после завтрака.

Луис рассыпался в благодарностях.

Он отлично понимал, что герцогиня ушла из-за Лусии, и отчаянно надеялся, что сестра жива и здорова. Но также понимал, что и сделать ничего не сможет.

Шанса ему не дадут. Если он сейчас устроит скандал, потребует чего-либо...

Нет, в нем должны видеть только недалекого тьера, который ничего дальше шпаги не видит. К Лусии его не пустят, это ясно, так хотя бы в библиотеку попасть.

Луис серьезно собирался найти документы эпохи последнего Короля. Но сначала...

– Я только проведу своего коня. Янат вчера нервничал, мало ли...

– У нас отличные конюхи. Но я вас понимаю, Луис... вы позволите к вам так обращаться на правах старшего? – Герцог Карста окончательно расслабился.

Луис ответил улыбкой. В меру хитрой, в меру туповатой.

– Разумеется, ваша светлость.

* * *

Лусия самозабвенно билась в истерике, когда на нее сверху выплеснулось едва не ведро ледяной воды. Припадок захлебнулся в прямом смысле слова.

Девушка жадно втянула воздух и замолчала. Сверху на нее смотрела с осуждением тьерина Велена.

– Что вы тут устроили, тьерина?

– Я?! – задыхнулась Лусия. – Я?! Да я...

– Кричите после брачной ночи, словно крестьянка на сеновале, пугаете слуг...

– БРАЧНОЙ НОЧИ?!?!

– Да, – в голосе герцогини было легкое удивление.

– Чем вы меня опоили? – в лоб спросила Лусия.

Герцогиня вздохнула, присела рядом.

– Можете не верить мне, тьерина, но вас ничем не опаивали. Вино оказалось слишком крепким, а вы, надо полагать, ничего не ели и устали...

Лусия даже рот приоткрыла. Так спокойно звучал голос герцогини, таким равнодушным было ее лицо... и она действительно ничего не ела в таверне. И волновалась.

– Д-да. Но я ничего не помню?

– Вы пили раньше, тьерина? Крепкое вино, что-то вроде выморозок?

– Нет...

– Оно ударило вам в голову. Это бывает. А потом, за столом, вы выпили еще. И в результате ничего не помните.

– И этого?! – взвизгнула Лусия, показывая на простыню. – Этого я тоже не помню?!

– Совсем не помните? Ни как вас раздевали, ни как пришел Мирт?

Лусия не помнила ничего.

Или?..

Чей-то шепот в ночи, блестящие голубые глаза, жаркое, пахнущее вином дыхание, резкую боль, которая на долю секунды пробила дурман...

Лусия уже собиралась в этом признаться, когда заметила взгляд тьерины Велены. Хищный, сосредоточенный, словно у кошки, которая подстерегает неосторожную крысу. Её?

И девушка, всем нутром почуяв опасность, принялась врать.

– Н-нет... а где мой муж?

– Милая моя, плохо после вчерашних излишеств не вам одной. Мирту тоже не слишком хорошо, поэтому он решил отоспаться.

– Но мы могли бы сделать это вместе?

– Вы что, простонародье? – Тьерина Велена вскинула брови, словно услышала откровенную глупость. – Разумеется, у вас будут свои покои. И у вас, и у моего сына.

– И когда я его увижу?

– Думаю, к вечеру, если Мирту станет лучше. Ваша истерика прекратилась?

Лусия закивала.

– Да. Спасибо, тьерина Велена.

– Можете называть меня матушкой, милочка, – снизошла герцогиня Карст.

Как бы ни была растеряна Лусия, но кровь Эттана Даверта взяла свое. В темных глазах на миг сверкнули золотом огоньки.

– Благодарю вас, матушка. Вы же знаете, что моя мать умерла не так давно? И вот я снова обретаю ее в вашем лице!

В словах не проскользнуло ни тени фальши, ни издевки, но тьерина Велена поморщилась. Неприятно знать, что ты занимаешь место мертвой.

– Одевайтесь, дитя мое. Я покажу вам замок...

– Да, матушка.

Лусии было очень-очень страшно. И она собиралась поговорить с Луисом как можно скорее.

* * *

Массимо ждал на конюшне.

– Ваша светлость. Монтьер, – глубокий поклон.

Янат, умница, встал на дыбы, едва не сделав свечку в деннике. Луис тут же «забыл» обо всем, кинувшись к коню, герцог посмотрел на это, да и пошел общаться с народом на предмет лошадей. Народишко у нас вороватый, не досмотришь, так вместо первосортного овса труху закупят, да и сбрую поглядеть надо бы, окинуть хозяйским глазом, раз уж зашел...

А Массимо встал так, чтобы его губ не было видно никому, кроме Луиса. Если шептать, то все будет в порядке.

– Все в порядке?

– Да. Как Лу?

– Истерика. Служанка шепнула. Герцогиня ее успокаивает.

– Но жива?

– Да.

Остальное Луиса не слишком волновало. Жива – это главное. Все исправимо в этом мире, кроме смерти. Оставалось поглаживать млеющего Яната и дожидаться герцога.

Донат Карст вернулся буквально через пять минут.

– Луис?

– Мы можем идти, тьер Донат. Мой конь успокоился, а к вечеру я еще зайду к нему, надо будет его промять как следует. Мы с ним привыкли к прогулкам.

– Возможно, я даже составлю вам компанию, – хохотнул герцог Карста. – Идем?

– Да!

Луис бывал в библиотеке Тавальена. Но перед этой библиотекой хранилище Преотца было как запасы крестьянина перед королевской сокровищницей.

Библиотека?

Больше дюжины громадных комнат, заставленных шкафами с книгами, свитками, пергаменами, листами, тетрадами...

– Арден!

Донат довольно улыбнулся при виде потрясения на лице Луиса.

– Вы не ожидали, Луис?

– Я даже не надеялся, – честно сказал тьер Даверт. – Ваша светлость, вы меня отсюда не выгоните!

– Вообще? – Тьер Донат откровенно забавлялся.

– Хотя бы пока я не прочитаю... ну хоть малую толику от этого богатства. А если позволите еще и списки заказать...

– Пришлете писцов – позволю поработать.

– Благодарю! – Луис выдохнул это так искренне, что герцог Карст посмотрел на мужчину вполне благосклонно. Сам большой ценитель книг, он уважал это качество и в других людях.

Вот Эттан Даверт книги не любил, а Луиса иногда за уши было не оттащить от какого-нибудь старого тома.

Это как болезнь, как одержимость – ты раскрываешь книгу, касаешься хрупких страниц – и мир вокруг перестает существовать для тебя. Ты, словно ныряльщик в Море, погружаешься в мир загадочных знаков на белых страницах и так же ищешь, затаив дыхание от восторга.

С чем-то ты выберешься на берег?

Жемчужина, которую станешь бережно хранить в памяти и душе? Песок, который просыплется сквозь пальцы, не оставив по себе воспоминаний?

Или горсть тины, от которой хочется прополоскать руки?

Все возможно...

Но начали мужчины с родословной Карстов. Древней, еще от первого Короля.

* * *

Преотец смотрел на магистра Шеллена. Внимательно смотрел, правда, не глаза в глаза, для этого еще не пришло время.

Еще не вызов, но два волка уже примерились друг к другу.

Кто сильнее?

– Вы опоздали, магистр.

– У меня были дела, пресветлый.

– Важнее, чем мой приказ?

– Дела Храма для меня всегда важны.

Прозвучало это так, словно Эттану в лицо плюнули.

Эттан был заметно моложе. Магистру было уже под шестьдесят, густые волосы тронула седина, серые глаза смотрели недобро и пристально. А со спины ему бы столько не дали. Высокий, плечи развернуты, мышцы такие, что сразу ясно – привык к тяжести доспеха.

Эттан прошелся по комнате, остановился у окна, покосился исподтишка на магистра.

Нет, никакой реакции. Ну, этого волка просто так не сломаешь.

Преотец уселся за стол и впился в Шеллена взглядом. Теперь уже глаза в глаза.

– Магистр, вы догадываетесь, почему я вызвал вас?

– Нет, пресветлый. – Голос магистра был полон иронии, которую тот даже не собирался скрывать. Эттан сдвинул брови.

– Ваш Орден, магистр, это фактически государство в государстве. Вы не подчиняетесь Храму и живете по своим законам. Так дальше продолжаться не может.

– Мы уважаем Храм. – Магистр уже не усмехался.

– Я считаю, что надо преодолеть этот разрыв между Орденом и Храмом.

Эттан ожидал вопросов, споров, возражений, но магистр просто сидел и ждал. И Даверт снова сделал шаг вперед.

– Полагаю, что правильным будет объединиться.

– Мы и так едины с Храмом.

– И чтобы усилить единство, я надеюсь, вы примете меня в члены Ордена.

Эттан не говорил бы так прямо. У него была заготовлена целая речь, долгая, витиеватая, достаточно запутанная, долженствующая привести собеседника к нужным выводам, но... он не видел раньше магистра Шеллена.

Как-то так вышло, что они не сталкивались. А вот сейчас Эттан встретился с ним – и разозлился. Была б у него на затылке шерсть, так дыбом бы и встала со злости.

Гад такой!

Мерзавец, подонок... он ведь попросту брезгует Преотцом. Издевается, давая понять, что Эттан не больше, чем пыль в его глазах. И сам отлично все понимает.

Тварь!

Магистр покачал головой.

– Нет.

– Я не ослышался, магистр?

– Нет, пресветлый, не ослышались.

– Вы мне отказываете?

– Более того, я уверен в своем отказе.

– Объясните, – сухо приказал Эттан.

– У вас свои цели, у нас свои.

– У Ордена и Храма?

– У *вас* и Ордена, – подчеркнул голосом магистр. И он явно имел в виду самого Эттана.

– Вы считаете, что я сделаю что-то во вред Ордену?

– Нет. Во благо себе.

Эттан скрипнул зубами. Ну да, он для того и затеял этот разговор, но...

– Мое благо есть благо всего Храма.

– Не стоит путать свои блага с храмовными, – усмехнулся магистр. – И тем более с Орденскими.

Эттан медленно положил руку на чернильницу. Тяжелая, золотая... на миг он представил, как хватает ее и бьет в висок заносчивого мерзавца. Как обесмысливаются голубые глаза, как ползут изо рта кровавые пузыри, как мертвенная бледность заливает породистое лицо...

Представил и понял, что этого не будет.

Преотцы не убивают. Во всяком случае, своими руками. Грех ведь.

– Вы отдаете себе отчет, с кем вы говорите, магистр?

– И даже о чем, пресветлый.

Магистр усмехался. И на лице у него было буквально написано: «Много вас таких это кресло задами протирало, и еще больше протрет, а Орден еще при Королях, говорят, был, потом просто в состав Храма вошел, вот и все. И будет...»

Эттан медленно вдохнул воздух.

Выдохнул.

– Магистр, я сейчас выйду. Вот стоят часы. Пока сыплется песок – обдумайте еще раз мое предложение. Больше я его не повторю.

Магистр сверкнул глазами. Маски сброшены? Пусть так!

– Даверт, Орден – не дойная корова для каждого Преотца. Иначе б мы давно сдохли. Найдите кого другого, чтобы деньги урвать для своих улюдков.

Эттан мертвенно побелел. Если бы магистр знал его лучше, он бы понял, что не стоит играть с огнем. Но Шеллену было безразлично и мнение Преотца, и его гнев.

– Не пожалеешь, Шеллен?

– Переживу.

Эттан в этом бы не поклялся. И молча перевернул часы. Потом вышел из комнаты и хлопнул дверью.

Родригу ждал в соседней комнате. Сидел, что-то писал, но при виде отца вздрогнул, попытался вжаться в стену, не получилось...

– Отец?

Чернильница таки полетела, хорошо хоть не в голову сына, а в стену. Эттан не удержался.

– Сволочь! Тварь, гадина...

Из уст Преотца полились такие выражения, что за ним бы и грузчики записывать бросились. Несколько минут Эттан выплескивал накопившееся бешенство.

Магистр пренебрежительно отнесся к Даверту. А этого в жизни Преотца ранее не было.

Его боялись, ненавидели, проклинали, уважали... но на него никогда не смотрели, как на придорожную грязь.

Все бывает в первый раз.

Наконец Эттан чуть успокоился и, не говоря сыну ни слова, вышел из комнаты. Родригу пару минут молча смотрел на чернильное пятно, а потом позвал слугу. И чего отец так взбеленился?

Загадка...

Магистра Шеллена уже в кабинете не было. Не стал дожидаться решения Эттана. Может, и правильно. Тьер Даверт пребывал в таком бешенстве, что собаками бы затравил заносчивого магистра.

В кабинете стояла тишина – и никого, на ком бы злость сорвать.

Или?..

Скрипнула дверь. Внутрь протиснулся тьер Синор. Эттан расплылся в предвкушающей улыбке, но...

– Пресветлый, я видел, как этот подо... магистр Шеллен покинул обитель. Неужели он осмелился вам противиться?

– Угадал, – прошипел Эттан.

– Но вы же не оставите такой поступок безнаказанным?

Эттан сверкнул глазами.

Не оставил бы. Только вот как это сделать?

Тьер Синор, видя, что бешенство перешло из разрушительного русла в конструктивное, робко сделал пару шагов вперед. Кашлянул – и заговорил.

И чем дольше он говорил, тем довольнее выглядел Эттан Даверт.

А что?

Ведь может сработать, еще как может...

Не хотите по-хорошему, магистр? Не приняли меня? Пеняйте на себя! Да, я бы подоил ваш Орден, но ничего бы с вами не случилось. А вот теперь...

Попомните вы Эттана Даверта... до смерти попомните.

До очень скорой смерти!

* * *

Луис блаженствовал над книгой. Пока еще в его руки не попало то, что требовалось, но это ведь дело времени?

Они с Донатом уже успели поспорить до хрипоты о Нерсайтской охоте, о морских огнях и о правлении Ривата Шестого – и теперь поглядывали друг на друга, вполне довольные результатом.

Тьер Донат нашел собеседника, с которым ему было интересно.

Тьер Даверт медленно приближался к своей цели. И – да! Ему тоже было интересно. С кем поговорить в Тавальене?..

Были там и библиотеки, и книжники, но свое увлечение приходилось тщательно прятать, ибо – несолидно. Тьер Луис Даверт был верным цепным псом своего отца. Таким, что клыки в пене, глаза бешеные и готовность рвать глотки по приказу. И вдруг – книги?

Вы себе представляете сторожевую собаку с томиком стихов в лапах? Эттан точно не одобрил бы. Вот мать понимала. Вальера вообще многое знала о своих детях, только вот сделать могла слишком мало...

Луис усилием воли отогнал мысли о матери и сосредоточился над книгой.

Был ли Великий Водоворот? И где?

Донат утверждал, что для обряда коронации Королей привозили в Храм Моря. И там, рядом с Великим Водоворотом...

Достойного ждала корона, недостойного же – смерть в морской пучине.

Лично Луис не знал, где находится этот Храм. На Маритани?

Он сам там не был. Но Донат утверждал, что есть и еще один остров – остров Королей. И даже приводил в пример хроники, над которыми сейчас и сидели мужчины, внимательно вчитываясь в старые, порыжевшие от времени буквы.

Риват надел корону и вышел из Храма. Его ждал дворец. И повелел его величество мне, скромному хронисту, записать слова: «Трон Королей может принять только Короля. Посягнувший несправедно закончит жизнь свою в утробе Моря и кости его источат морские твари».

– Вот, видите, Луис?

– Тьер Донат, при всем уважении, при чем тут Водоворот? Может, недостойного претендента просто убивали и сбрасывали в Море?

Донат Карст сверкнул глазами.

– А вот еще одна хроника!

Увы, и еще одна хроника ничего не доказала Луису. И Карст решил.

– Есть записи моего предка. Латимера Карста, жившего во времена последнего Короля. Это было тяжелое время, мир уцелел только чудом.

– Но уцелел же?

Карст вздохнул и лично открыл один из шкафов.

– Здесь хранятся записи, оставленные лично герцогами Карст.

Луис уставился на шкаф горящими глазами.

– Лично? За все эти века? Начиная с первого Короля?

– Нет, так далеко не простираются даже наши хроники, – опечаленно вздохнул Карст.

Луис тоже выглядел разочарованным.

– Жаль. А так хотелось узнать, откуда они – Короли.

– Боюсь, это навсегда останется неизвестным. Но о временах последнего мы можем кое-что узнать. Читайте...

И Луис заскользил взглядом по строчкам.

Я, смиренный вассал моего господина, пишу эти строки, дабы рассказать потомкам, как небо покарало неугодных. Было это в дни, когда умер наш Эрт и на земле воцарилось безвластие. Брат шел на брата, сын на отца.

В это время к нам обратился недостойный Альберт Дион и потребовал, чтобы мы все собрались и выслушали его. После похорон Короля мы выполнили его просьбу.

Луис усмехнулся про себя.

Ага, просьбу.

Такие просьбы подкрепляют или сталью, или золотом, никак иначе. Герцоги, могущественней которых на тот момент не осталось никого, – и какой-то Дион?

Смешно!

А вот что было уже грустно...

...Дион предал свою кровь и был проклят. Я смотрел на него и понимал, что жить ему осталось не более года.

От такого предательства люди гниют заживо. Вытекают глаза, отслаивается кожа, слзлит с костей мясо. Все мы понимали, что Дион обречен, но несчастный, в своем безумии, не замечал очевидного и требовал невозможного.

Он хотел занять место Королей.

Мы же должны были провести коронацию.

На этом месте Луис оторвался от хроник.

– А разве коронацию проводят герцоги? Я читал...

– Вы абсолютно правы, Луис. – Донат смотрел даже с каким-то умилением. – Коронацию проводит сам Король, отец передает корону сыну, а сам остается в тени трона. Но бывают еще болезни, несчастные случаи...

– Стрелы в спину, как с Атоном Вторым...

– Именно. И в этих случаях у герцогов появляется доступ в Храм. Не при вашем батюшке будь сказано...

Луис усмехнулся в ответ.

– Если бы мой отец услышал наш разговор, то решил бы, что я сошел с ума. Вместо просьб о деньгах, союзниках, наконец, вместо заключения выгодных нам обоим договоров – закопаться в пыльные книжки! Конечно, это безумие!

– Пф-ф-ф-ф-ф, – насмешливо протянул герцог. – А с чего вы взяли, что я готов заключать договоры?

– Я? Да помилуйте? Разве я хоть слово о них сказал? – изумился Луис.

Мужчины переглянулись и расхохотались.

Оба они отлично понимали, что любые договоры с Эттаном Давертом – ложкой на воде нарисованы. Просто потому, что Преотец не всегда глава Храма – за его спиной конклав. И решение о войне, например, принимать не Эттану, а конклаву. Потому что и Преотцы смертны, и со смертью Эттана все договоры станут недействительны. Потому что... а кто такой Эттан Даверт, чтобы с ним договариваться?

Карст – это понятно.

Герцог, древняя кровь, чуть меньше (или все же больше?) чем Король – на своей земле.

А Эттан?

Проходная пешка, которую хоть и вывели в ферзи, но как вывели, так и сожрать могут.

Луис и не догадывался, но во многом именно поэтому в супруги юному маркизу была выбрана Лусия.

Вроде бы и не пыль придорожная – дочь Преотца. Но и настолько считаться с ней, как с достойной сына партией, не обязательно. Пока она дочь Преотца – Лусию можно услышать. А как только...

Именно здесь и сейчас Луис осознал эту истину. Но на лице его ничего не отразилось.

Ни злость, ни гнев, ни желание немедленно забрать Лусию и уехать.

Вместо этого...

– А что считается проклятием крови? Я пару раз встречал эти слова, но не смог найти объяснений.

– Вряд ли вам были доступны серьезные источники, – усмехнулся Донат. – Преступление против крови потому так и названо. Отце- или матереубийство, убийство своих детей, предательство, причинение смертельного вреда своему роду, своей крови.

– Насколько я понимаю, Дион был сыном последнего Короля и... предал его? – сложил два и два Луис.

Донат медленно кивнул.

– Это древняя история. Очень древняя.

– А в отношении герцогов это действует? – поинтересовался Луис.

– Это действует даже в отношении простых людей. Только для них это... отсрочено. Но вы наверняка видели семьи под действием этого проклятия. Тех, чей род прервался?

Луис кивнул.

Видел, еще как видел.

– Для обычного человека срок действия проклятия может растянуться до двадцати лет и даже больше. Или пасть на его детей. В случае с нами, герцогскими родами, это будет быстрее. Год-два. Дион же...

Луис медленно кивнул. И вовремя прикусил язык, чтобы не спросить, как это действует по отношению к другим родам? Его-то это касалось непосредственно.

Луис читал, как герцоги отправились в Храм. Как плыли на лодках, как вошли в Храм, и самое главное – что произошло в Храме.

При красочном описании кончины Диона Луис даже поежился.

– Вы хотите сказать, что Водоворот находится под островом? Но разве такое бывает?

– Не знаю, тьер Луис. Не знаю. И молюсь, чтобы мне не пришлось этого узнать.

Луис перевел взгляд вслед за Донатом. И наткнулся на несколько строчек:

Не было ничего ужаснее в моей жизни, чем голодная ждущая пасть Водоворота, поглотившая самозванца. Брызги Моря осели на моих руках и жгли, словно огнем. Надеюсь, никогда более судьба не приведет меня в это ужасное место.

Луис с удовольствием продолжил бы обсуждение, но в библиотеку, в сопровождении тьерины Велены, вошла Лусия. Мужчины поднялись навстречу дамам, а Луис улыбнулся сестре.

– Ваша светлость?

– Мой милый брат, я рада видеть тебя. Надеюсь, ты в порядке?

– Безусловно, госпожа маркиза.

– Что ты, братец, ты можешь называть меня, как и прежде.

Тьерина Велена подтвердила сказанное милым легким кивком, а Луис внимательно оглядел сестру.

Все, как обычно?

Да, вот именно.

Лусия казалась такой же, как и всегда. Милая, очаровательная, улыбающаяся... учитывая, как она волновалась вчера, что произошло и что она должна была пережить в брачную ночь, такое равнодушие сегодня было попросту странным.

Маска?

Да, безусловно. Лусия просто показывает то, чему учила ее мать. Очаровательную глупую куклу. А это значит, что произошло нечто... странное. Луис насторожился, но виду не показал. Вместо этого замурлыкал о том, что счастлив за свою сестренку, ах, теперь уже маркизу, что господин герцог так любезен... и Луису так хотелось бы покопаться в архивах, мать

говорила, что кто-то из Тессани уже родился с Карстами, возможно, он... вы же позволите, ваша светлость?

Напряжение в библиотеке медленно таяло, словно ледок в майской лужице. Только вот вода все равно была холодной.

Разрешение покопаться в архивах было охотно предоставлено. Настолько охотно, что Луис невольно задумался, что же пытаются скрыть любезные хозяева? А пытаются ведь!

Глупцом Луис не был, видел и взгляды, которые тьер Донат бросал на него, на Лусию, на супругу, видел, как тьерина Велена смотрит на мужа, словно спрашивая подтверждения, видел беспомощность в глазах Лусии...

Он найдет случай поговорить с сестренкой.

Как можно быстрее найдет.

* * *

Тавальен

Элисса протянула Эрико Даверту бокал вина, который тот послушно и выпил.

И потянул девушку в постель. Та не сопротивлялась, делала все, что он прикажет, изображала бурную страсть – и вновь подала мужчине бокал крепленого вина. В самый раз, чтобы развязать язык. Скольких мужчин тянет поговорить в постели?

Да очень многих.

По наблюдениям шлюхи, мужчины, способные на многое, в кровати не разговаривают, у них другие дела есть. А вот кто хочет отвлечь женщину от важного, начинает болтать.

Бывает...

И глупо этим не воспользоваться.

– Сейчас, когда Луис уехал, наверное, Преотец может довериться только тебе, – сладко пела Элисса.

Эрико раздулся от важности, словно жаба в брачный период.

– О да! Без меня отец сейчас как без рук! Луис... что Луис? Просто задается, строит тут из себя, а сам он... да отец никогда бы ему такое дело не доверил! А мне вот – доверил!

– Кому же еще и доверять, как не тебе? – искренне удивилась Элисса. – Ты же надежда и опора Преотца! Если он умный, а я не сомневаюсь, что твой отец умный, ты ведь просто его копия, я как-то видела Преотца... он такой красивый даже сейчас! А в молодости, наверное, был совсем как ты! А если он еще и такой же умный, он поймет, что ты его надежда и опора. Может быть, даже преемник?

– Ну да, – окончательно раздулся от гордости Эрико. – Больше ему не на кого положиться! Луис – чистоплюй, да и все у него через рифы идет! Представляешь, был случай, приказали ему подержать взаперти какую-то девицу, так та сбежала и в лесу на ловушку напоролась! Х-ха!

– Он что, двери запирать не научился?

Элисса мило вздыхала, ахала, поддакивала, а сама думала, что если Преотец рассчитывает только на Эрико и таких, как он, – плохи дела Тавальена. Надо бы отсюда удирать быстрее ветра.

Элисса хоть и была больна, но жить хотела. А жить в городе, которым руководит такой записной идиот – довериться Эрико! – это для самоубийц! Она к такому не готова!

Она ворковала, подливала вино и между делом вытянула из Эрико, что готовится нечто очень важное против рыцарей Ордена. Которые посмели (ужас, кошмар, попрание всех устоев!!!) не дать деньги Эттану Даверту!

Не! Дать! Деньги!

Есть ли грех страшнее в глазах Храма?

Наверное, нет.

Ладно, узнать она узнала, теперь надо предупредить тьера Эльнора. Но когда Элисса пришла к нему в гости, оказалось, что тьер уехал.

А куда? И надолго ли?

Не сообщил.

Женщина оставила ему весточку и отправилась домой.

До возвращения тьера Эльнора она вполне успеет раскрутить Эрика еще на пяток, а то и десяток побрякушек. А уж сколько с него полезной информации получит!

Просто восторг!

* * *

За ужином Лусия специально ничего не ела и не пила. Мало ли? Подсыпят что-нибудь, и думай потом, с кем ты была, что с тобой делали...

С Луисом ей поговорить так и не дали. Но девушка не унывала. Судя по разговорам днем, Луис все понял. И найдет время и возможность с ней побеседовать.

А вот что дальше?

Брат придумает, он умный.

Лусия береглась, как могла, и все же...

Показалось ей, или в спальне стоит какой-то сладковатый запах?

Наверное, это из-за цветов.

Лусия думала пару часов подремать, а потом попробовать найти Луиса, но стоило ей прилечь, и она словно провалилась куда-то в бездну.

И вновь ей снились блестящие голубые глаза, откровенные ласки, и опять ныло все тело от неутоленного желания. Или утоленного?

А утром тьерина проснулась от холода.

Наступил рассвет, туман пробрался в открытое окно, пополз по полу, пробрался под балдахин на кровати и злобно вцепился в нежное тело, не прикрытое ни одеялом, ни даже ночной рубашкой.

Лусия приоткрыла глаза, потянулась – и тело ответило знакомой тупой болью между ног. Что – ОПЯТЬ?!

Несколько секунд она просто лежала, вцепившись зубами в подушку, чтобы не заорать. А потом, когда поняла, что происходит, зло сплюнула на пол перья.

Лусия была, мягко говоря, в бешенстве.

На этот раз она уже не билась в истерике, нет. Просто думала, как поступить. Как поговорить с братом?

Вызвать служанок и приказать провести ее к Луису?

Ага, так они и послушались! Нет, служанок Лусия звать не стала, ей надо подумать без этих соглядатаек и шпионок! Девушка заметалась по комнате, как тигрица, потом открыла окно, вдохнула свежего рассветного воздуха...

Луис, где же он, как же увидеться с братом?!

Но долго выход искать не пришлось.

Стоило только на балкон выйти...

Тихий свист привлек ее внимание.

– Тьерина?

Лусия пригляделась.

Внизу, в кустах роз, не слишком удобно устроился Массимо Ольрат. И пристально смотрел на нее.

– Вы хотите поговорить с братом?

Он говорил тихо, четко шевеля губами. Лусия взгляделась – и закивала.

– Ждите. Я приведу.

Лусия кивнула. Прошла в комнату, стащила покрывало с кровати, и устроилась прямо на балконе. Только завернулась потеплее, чтобы не замерзнуть.

Рано еще. Только-только светает.

Чем бы ее не опоили в этот раз, оно оказалось слабее.

Погодите, твари, вы мне за все ответите!

Лусия была также дочерью и Эттана Даверта. И спускаться обидчикам не собиралась.

* * *

Луис спал, когда Массимо коснулся его плеча.

– Тьер Луис...

Мужчина открыл шоколадно-карие глаза, от которых млела половина жительниц Тава-льена. Пару секунд смотрел непонимающе, а потом осознал, кто рядом с ним и где он.

– Да?

– Тьерина Лусия...

– Что с ней?

– Ждет вас, чтобы поговорить.

Луис кивнул, одеваясь почти на ходу. Через пару минут, ежась от холода, две тени заскользили по саду. Тихо-тихо, как капля росы по листку.

Лусия так и ждала на балконе. Луис примерился, поставил ногу поудобнее, уцепился за выступ – и полез наверх.

В любом другом замке это могло не удалиться. Но Карсты жили в родовом имении, построенном еще при первых Королях. А за столько времени там и раствор выкрошился, и камни кое-где повыпадали, и чинить это пытались... раздолье для мужчины, который умеет найти путь к любой женщине!

Стоило Луису шагнуть на балкон, как сестра бросилась ему на шею – и от души разрыдалась.

– Луис!!!

– Лу...

Пару минут Лусия потратила на слезы. А потом Луис вытряс из нее все подробности и брачной ночи, и сегодняшней, и задумался.

– Лу, похоже, что вчера тебя опоили, а сегодня ночью просто чем-то окуривали. Есть такие травы, надышишься дымом – и сам себя не помнишь.

– И что мне делать?!

– А это зависит от того, что ты хочешь? – пожал плечами Луис. – Если исходить из того, что разузнал Массимо, это может быть и твой супруг.

– Как?

– А вот так. Он не вполне в себе, так что может просто тебя бояться. А с сонной девушкой справиться легче.

– Ты-то откуда знаешь? Пробовал?

– Я похож на насильника? – обиделся Луис.

– Прости! – Лусия подняла руки. – Я просто нервничаю...

– Понимаю. Вот смотри, малышка, у нас есть два пути. Первый – я могу забрать тебя отсюда. Второй – ты остаешься.

– Ты предлагаешь мне выбрать?

Не то чтобы Лусии не хотелось побиться в истерике, но...

Запретила.

Словно отрезала себя от той, что была еще вчера: слабой, беспомощной, доброй и доверчивой. Сегодня девочка столкнулась со злом – и не собиралась безропотно отдавать ему свою жизнь.

– Да, Лу. Оба варианта имеют свои плюсы и свои минусы. И не забывай, ты можешь быть беременна.

Лусию откровенно передернуло. А Луис продолжил:

– Если ты остаешься, тут все понятно. От кого бы ты ни забеременела, ты все равно мать будущего герцога Карста, и ты в полной безопасности, пока не родишь двоих-троих детей. А там можно и выяснить, от кого дети, и воспользоваться этим в своих интересах. Понимаешь?

Лусия кивнула.

Да, это сложный путь. Но – вдруг?

– К тому же, если ты остаешься... Лу, наш отец стал Преотцом.

– Это большая честь для нашей семьи...

– Лу, а ты что-то слышала о семьях Преотцов?

Лусия подумала.

– Мм... э...

– Правильно. Потому что Преотец уходит в Море вместе со своей семьей. Поняла?

Лусия медленно кивнула.

– Если с ним что-то случится, выгнать из Тавальена Эрико и Родригу мне будет легче. Они мужчины, знающие, с какой стороны эфес у сабли. Ты – девушка.

Лусия даже не стала говорить, что может постоять за себя и прочие глупости. Не сможет. И сама она отлично об этом знала.

– Невестку герцога Карста не тронут.

Ответом Луису был кивок.

– Да, пожалуй.

– Если ты беременна, отец будет в ярости. Я тебя прикрою, но...

Об этой стороне вопроса Лусия еще не думала. А ведь и верно.

Будет.

Рука женщины оберегающим жестом легла на живот. А вдруг и правда?..

– Какое-то время тебе здесь ничего не грозит, если будешь осторожна. А вот дома опасно. Маму не просто так убили, уж поверь мне.

Лусия смахнула с ресниц непрошеную слезинку.

Мама...

– Если ты едешь со мной – нам придется бежать. Из Карста – очень быстро. И не в Тавальен. Я устрою тебя где-нибудь в глуши, оставлю денег и буду приезжать. Сама понимаешь, скандал будет отменный, и искать тебя будут долго и упорно.

Лусия кивнула еще раз.

Да, так это смотрелось.

Если она остается – есть шанс повернуть ситуацию в свою пользу.

Если убегает – то только прятаться.

– Конечно, и здесь есть опасность, но ты девочка умная. Ты будешь осторожна, да, Лу?

– Буду...

– Я сейчас уйду, чтобы меня не хватились, а ты подумай. Я помогу в любом решении.

Лусия прижалась к брату. Крепко-крепко обняла его.

– Ох, Луис...

Мужчина потрепал ее по темным локонам.

– Держись, зайка. Надо.

И ловко принялся спускаться обратно. Оказался рядом с Массимо, огляделся – и скрылся в кустах.

Лусия подумала, и вернулась обратно.

Окуривали, говорите?

Если вы то же самое запланировали на следующую ночь, видит Арден, я найду, как с этим бороться! Окна открою!

Лицо тряпкой завяжу!

Но узнаю, кто ко мне повадился!

Вот!

* * *

Только на площадке для тренировок (а куда еще благородный тьер может пойти на рассвете?) Луис дал волю гневу.

– С-суки!

Массимо перебросил тьеру одну из шпаг, которые нес под мышкой.

– Возьмите, тьер Луис. Нападайте.

Луис ловко поймал эфес – и тут же атаковал, не переставая шипеть сквозь зубы. Получалось очень внушительно.

– Это ж надо! Опоить девчонку и поймать! А она даже не знает кто! Зарыл бы! Сволочи! Подонки!

Массимо потупился, и это не осталось незамеченным.

– Ты что-то знаешь?

– Ну... да.

– И?

– Тьер Луис, только вы не ругайтесь стгоряча?

– Обещаю, не стану.

– Это герцог.

– Донат Карст?

– Да.

Массимо под окном Лусии залег еще с вечера. Он знал, что Луис хочет поговорить с сестрой, и решил подождать. Мало ли, откроет тьерина окно, высунется, а он тут как тут.

Окно и открылось. Около полуночи.

И открыл его герцог Карста, голый по пояс, ну и, наверное, ниже тоже.

– Точно – он?

– Голову на отсечение дам. Что ж я, дурак? Он с вами на конюшню приходил...

Луис кивнул. Он даже знал, зачем открывали окно. Чтобы избавиться от запаха в спальне.

Одно дело – уснуть под дурман-травкой. Но долго под ней нельзя – это большой вред здоровью. А если женщина в тягости, до выкидыша может дойти.

– Значит, Донат Карст. Ну с-сука...

Все укладывалось в схему.

Законный сын у него не дай Арден, жена родить больше не может, бастардов плодить – дело гиблое, а вот если сноху вместо сына огулять...

Но при таком раскладе Лусии как раз ничего и не грозит.

Почти.

Если только тьерина Велена решит мстить? Но... это можно и поправить?

Луис положил себе узнать, что на уме у герцогини Карст, и принять решение. Если надо.

То, что тьерина Велена чья-то жена и мать, его откровенно не останавливало. Убийц его матери тоже ничего не остановило. И сестра ему всяко дороже престарелой стервы, кото-

рая решила закрыть глаза на неприятные вещи. Да какое – закрыть глаза! Она им откровенно содействует!

Луис подумал еще пару минут.

– Массимо, мне нужно будет, чтобы ты сделал вот что...

Массимо выслушал тьера не моргнув глазом. И ответ его был короток и прост:

– Сделаю, монтьер.

– Спасибо.

Не так много было у Луиса людей, на которых он мог положиться целиком и полностью. И тем больше он ценил Массимо.

* * *

Весь день Лусия ходила как в дурмане. Жаловалась на головную боль, на тяжесть в груди, так что даже тьерина Велена забеспокоилась. А вечером Лусия удалилась к себе.

И ночь прошла спокойно!

Кто бы это ни был, он испугался?

Ее плохого самочувствия?

О нет. Так далеко самонадеянность Лусии не простиралась.

Неведомый любовник испугался повредить будущее вместилище для ребенка. Но через пару дней...

Один раз Лусия попала на замаскированный среди цветов запах дурмана. Второй раз она этого делать не собиралась. А потому изобразила сонливость и уткнулась носом в подушки.

От Луиса она уже отлично знала, кто может прийти к ней, и старалась не надыхаться, понимая, что ей потребуются все ее силы. Предстоял тяжелый разговор...

Главное, чтобы герцог не слишком долго ждал...

* * *

Так и вышло.

Не прошло и часа, как скрипнула потайная дверь, распахиваясь рядом с камином, и в комнату вступил герцог Карст. Лусия из-под длинных локонов, слегка повернув голову, наблюдала, как он достает из двух ниш курильницы, как выставляет их на балкон, как сбрасывает халат... а ничего так! Для своего возраста у него хорошее тело, ни жира, ни дряблости...

И когда мужчина перекатил девичье тело на спину, на него взглянули темные глаза.

Лусия сделала то единственное, что могло ее спасти: обвила мужчину за шею руками и впиалась поцелуем в губы.

Несколько минут Донат Карст был в шоке, а потом – потом стало поздно.

Поцелуй, еще один, потом еще и еще, и вот уже два тела сплетаются в страстной схватке на широкой кровати. Поговорить они смогли, только когда схлынул дурман и мужчина вытянулся на шелковых простынях.

Лусия лежала на нем сверху, обводила пальчиком контуры лица...

– Тьерина Велена знает?

Донат прищурился.

– Знает.

– Об этом она узнает тоже?

– Я подумаю... Ты больше ничего не хочешь спросить?

– Зачем спрашивать то, что тебе уже известно? – удивилась Лусия. Коснулась пальчиком лба герцога, на котором появились глубокие морщины. – Слуги болтают, а я слушаю. Твой сын

не может унаследовать герцогство, потому что ему все безразлично. Он даже детей сделать не сможет. Твоя жена не родит. Плодить бастардов? Ты так и сделал, но в законном браке.

– И тебя это устраивает?

– Почему нет? – удивилась Лусия. – Я стала маркизой, а в будущем, возможно, стану герцогиней Карст. Здесь спокойно и богато, я не завишу от своего отца и его прихотей. А рожать детей... это делают все женщины. Что в этом плохого?

– От свекра?

– Ты дашь фору многим молодым. Почему нет? Не хотелось бы постоянно вдыхать дурман, поэтому я предпочитаю договориться.

– И не сбежишь отсюда с братом?

– Брат был счастлив выдать меня замуж. Дочь Преотца – слишком хрупкий настил под ногами, чтобы стоять на нем долго. К тому же я могу уже быть беременна...

– Можешь...

– А если и нет – ты же поможешь мне?

Улыбка Лусии была исполнена лукавства и призыва. И герцог поддался ему, переворачиваясь и подминая под себя стройное тело.

Эта девушка вернула ему юность. Ту пору, когда он был не старше Мирта, когда искал любовь... и сейчас он не собирался расставаться с малышкой.

А если и она хочет остаться... тем лучше!

Тем лучше.

* * *

Дни шли за днями. Луис сидел в библиотеке, копаясь в старых свитках. Конечно, кое-что ему не доверяли, но очень быстро тьер Донат стал оставлять гостя одного.

И Луис воспользовался этим шансом, чтобы порыться на полках поглубже.

Там он и обнаружил свое сокровище.

Герцоги Карста вели записи?

О да!

Герцогини Карста – тоже. Но серьезными записями это не считалось. Они хранились в отдельном шкафу, который даже не запирался, среди кулинарных книг и свитков по хозяйству – ну что еще может написать женщина?

Как оказалось – многое.

Одна из герцогинь была всяко не глупее супруга. Потому что сделала записи в своем дневнике двойными.

Она писала красиво, крупными разборчивыми буквами, делая пробелы между строчками, писала о хозяйстве, о том, как она счастлива, как уродилась пшеница, какой фасон платьев нынче в моде...

А между строчек, мелким шрифтом, невидимыми чернилами было написано совсем другое.

Луис и не наткнулся бы на эти дневники, но его интересовало ВСЁ, что относилось к правлению последнего Короля. Поискал, интереса ради, проглядел дневник, пролистывая почти по диагонали.

А чернила постепенно стали видимыми. Так бывает. Срок вышел...

И строчки потрясли мужчину.

Если все действительно так... для Лусии это катастрофа.

Стыдно признаваться, но дневник благородный тьер Даверт украл. Засунул под одежду так, что хоть за шкуру его тряс – не выпадет, и вынес из библиотеки, чтобы ознакомиться за задернутым балдахином, в своей комнате.

Он читал – и видел женщину, которая, обмакнув перо в нечто вроде молока или лимонного сока, выводит торопливые строчки.

Какая она была – та герцогиня Карст?

Внешность не важна. Но несомненно – очень умная, решительная и сильная женщина. И Луису она казалась похожей на Вальеру Тесани.

А дочитав, он понял, что разговора с сестрой не избежать. И будет все это ну очень неприятно...

* * *

Любезные хозяева уже дней пять, как перестали стеречь брата и сестру. К чему, если Лусия довольна своим местом в жизни, а Луис не собирается ее никуда увозить, увлеченно копясь в книгах? Но ради этого разговора Луис все равно навестил сестренку под утро. Специально влез на балкон, открыл окно и позвал в полумрак комнаты:

– Лу, зайка, проснись!

Донат Карст всегда уходил задолго до рассвета, об этом Лусия давно рассказала брату. Луис не боялся наткнуться на постороннего.

Лусия вынырнула из глубины подушек.

– Луис?

– Да. Надо поговорить, малышка.

– Что случилось?

– Нечто весьма серьезное. Так что просыпайся...

Лусия кивнула, встряхиваясь. Брату она верила, Луис не станет паниковать попусту.

– Ты еще не беременна?

– Не знаю...

– Когда у тебя были последние «красные дни»?

– Примерно месяц назад.

– Плохо... я достану тебе снадобье, и ты его съешь. Поняла?

Лусия замотала головой.

– погоди... ты хочешь, чтобы я убила своего ребенка? Если я беременна?!

Луис вздохнул.

– Лу, у нас очень плохая ситуация. Я не знал того, что должен был, иначе никогда бы, никогда не допустил этого брака.

– Чего ты не знал?

Лусия смотрела настороженно, серьезно... как далека была эта женщина от той наивной девочки, которая выбегала навстречу Луису! И ей придется уйти еще дальше, чтобы никогда не вернуться.

– Лу, только не кричи и постарайся понять. Если ты беременна, ребенок родится уродом.

– Что?!

Ладонь зажала женщине рот.

– Да, сестричка. Дело в том, что герцогские рода не могут вступать в брак. Вообще. А мы по материнской линии потомки Лаисов.

– М-м-м-м-м-у-у-ы-ы-ы?

– Мы, сестричка, мы. Дальние, но прямые. Мы – Лаис, они – Карст. Если ты родишь ребенка от герцога, он будет... чудовищем. В чешуе, с плавниками или жабрами, если еще родится живым и в срок. Бывало так, что при родах таких... существ их матери умирали. У тебя есть все шансы. А если Карст поймет, кто ты, – сам убьет. После смерти последнего из Королей герцоги пробовали обойти запрет на свадьбы между потомками. Было несколько пар, Карст – Карнавон, Лаис – Тимар, Карнавон – Атрей, Тимар – Карст – и это я еще не всех пере-

числил. Вторые сыновья, вторые дочери... Браки иногда были даже счастливыми, но всегда бездетными. Тебя можно отпустить? Кричать не будешь?

Лусия помотала головой. Мол, не стану. И как только рука сползла с ее рта, совсем по-детски спросила:

– Ты врешь? Правда?

– Нет, Лу. Я не вру тебе. Клянусь памятью матери.

И Лусия поверила.

– Но откуда?..

– О Лаисах я знаю от мамы. А остальное... почитай.

Старая тетрадь в кожаном переплете легла на колени Лусии. Она послушно открыла указанную страницу, вчиталась... и с каждым прочитанным предложением ее лицо мрачнело. Глаза наливались слезами, нос стремительно краснел... наконец тетрадь полетела в угол, а Лусия повисла на шее у брата.

– Луис, что же мне делать?!

– Я все улажу, малышка. Но мне нужна будет твоя помощь. Ты хочешь остаться в Карсте?

– Да, да!

– Тогда слушай. Сразу после твоей свадьбы я приказал найти кое-кого, необходимого нам. Завтра у тебя будет подарок – новая лошадь. И ты отправишься со мной на прогулку верхом. Раз за разом, рано или поздно люди привыкнут...

– Луис, что ты мне предлагаешь?

– Родить ребенка от другого мужчины, – пожал плечами Луис. – У меня в отряде есть солдат, который похож на Карстов. Голубые глаза, темные волосы... сойдет.

– Но в нем же не будет герцогской крови!

– А это и не обязательно. Покопался я тут в библиотеке, герцогская кровь необходима ради того, чтобы править. Карсты сейчас в силе. А потом... да хоть бы и бастард был – тут главное не церемония в храме, а кровь. Просто нам сейчас нужно тебя защитить, а о Карстах я потом подумаю.

Лусия кивнула. Эту точку зрения она принимала. Но...

– Луис, а кто еще знает, что мы – Лаисы?

– Никто. И узнать никто не мог.

– Почему?

Как бы ни была расстроена Лусия, она была дочерью Эттана Даверта, который никогда и ничего не принимал на веру. Вера – для глупцов, эти слова звучали в их доме раз за разом, на протяжении всей коротенькой жизни Лусии. И девушка невольно впитывала эти убеждения. Да и отвлечься хотелось от страшных мыслей.

Ее ребенок может родиться чудовищем.

Страшно-то как... мамочки...

– Потому, малышка, что наша мать была из Эттельбергов. Да, они роднились с Лаисами, но это было давно и неправда. Никто и не заметил. Таких семейств по всему континенту – ложкой не перехлебать. Но! Рорк Эттельберг взял за себя Дейзетту Лаис. Сестру последнего настоящего герцога Лаиса. Потом, когда началась резня, кормилица Бенедетта Линкс спасла дочь последнего герцога. Выдала за своего ребенка, увезла к тетке...

– А это точно была... эм-м-м...

– Мари Лаис стала Мэриэттой Линкс. И вышла замуж за своего двоюродного брата.

– И у них не родились уроды?

– Нет.

– Так, может, она и не была Лаис? Ведь доказательств никаких нет!

Луис вздохнул.

– Лусия, доказательства есть. Герцоги узнают тех, в ком течет их кровь... Ир-рион!

Лусия подняла вверх тонкий палец.

– Вот! Даже если принять эту историю за правду, в моем ребенке не будет крови Карстов.

Если герцог это почует...

Луис схватился за голову.

– Лу, ты понимаешь, что это опасно?

– Да, братик.

Но глядя в безмятежные карие глаза, Луис понимал – она не верит. Попросту не верит.

Ребенок, тем более любимый, балованный и заласканный, никогда не поверит в свою смерть. В любые неприятности, которые могут с ним произойти. Это же невероятно! Такого просто не бывает, потому что с ней этого быть не может!

– Мне очень приятно, что мы – Лаисы, значит, я ровня Донату...

– Лу, ты понимаешь, что он этого знать не должен?

– Да, братик.

И было видно – она не понимает. И, скорее всего, проговорится...

Луис медленно поднялся. Подошел к сестре, запустил руку в волну темных волос, наматал их на кулак.

– Луис!

– Если ты, дура сопливая, хоть слово кому-то скажешь...

– Да как ты...

Рывок еще сильнее. Луис подтянул сестру вплотную к своему лицу и заговорил. Медленно, расчетливо, словно гвозди забивал.

– Я ждать, пока тебя Лаисы убьют, не стану. Я сам тебя пришибу, потому что дурой выросла. Думаешь, это игрушки? Цветочки-розочки? Нет, Лу, за эти игры кровью платят, и чаще всего своей. Мать потому и погибла, что пыталась это узнать. И тебя прибьют. Поняла?

Вот теперь поняла. Прочувствовала, побледнела.

Но – кровь сказалась.

– Молчать я буду. Маминым покоем клянусь. А спать с кем попало не стану. И ребенка своего не убью.

– Дура.

– Пусть так. Но заставить меня ты не сможешь.

Луис выругался шепотом, но Лусия уже пришла в себя. Родители у них были все же одни.

– Вот что, братик. Я думаю, тебе пора уезжать.

Мужчина посмотрел да и плюнул.

– Я тоже так думаю. Только учти – на рождение племяшки меня пригласишь. Поняла?

Случись что – тебе никто другой не поможет.

Лусия медленно кивнула.

– Это – да. Приглашу заранее. И о сроках напишу, и о Лаис никому не расскажу. Получается, мы на три четверти Лаисы?

– Конечно, за эти века кровь разбавилась, но полагаю, что да.

– А мы на них похожи? Вот у Карстов, я смотрела в портретной галерее, глаза у всех голубые, волосы темные, телосложение опять же. А у Лаисов?

Луис задумался. Отпустил волосы сестры, и Лусия смогла отойти. Встряхнула гривой волос, помассировала кожу головы кончиками пальцев.

Слова брата она приняла достаточно серьезно. И собиралась молчать, хотя и по другой причине.

Есть карты, которые можно бросить на стол только один раз. В самый тяжелый момент. А до той поры... подождем.

– А ты знаешь... нет.

– Нет?

– Лаисы, как правило, с пепельными волосами и зеленоглазые. Я тут полистал хроники, пару раз попадалось.

– Вот. А мы?

Луис хмыкнул. Да, темноволосая и кареглазая Лусия да и он сам меньше всего походили на Лаисов.

– Я бы сказал, что мы ближе к Карнавонам. Темные волосы, темные глаза, только у них кожа очень белая. Очень.

– Так, может, соврала кормилица? А в нас крови Лаисов на четверть, не на три четверти?

Луис вздохнул.

– Лусия, солнышко, лучше б мы это проверили другим путем.

– То есть?

– Если твой ребенок родится уродом, то ты Лаис. Безо-говорочно. А ты окажешься в опасности. Но мы никак об этом не узнаем до родов.

Лусия задумчиво кивнула.

– Обязательно напишу тебе. Заблаговременно.

На том и порешили.

Лусия осталась отсыпаться, а Луис отправился к себе. Может, и правда пора домой?

* * *

Тьер Эльнор с отвращением оглядел придорожную таверну.

Он жил здесь со своими людьми вот уже два десятка дней и с каждым днем все больше злился.

Луис Даверт задерживался в гостях у Карстов.

Конечно, это мало что значило. Деньги были и на проживание, и на наемников. Даже если бы Луис прожил у Карстов год, тьер Эльнор мог бы его дождаться. Но хотелось-то побыстрее!

Этган Даверт был виновником гибели Мелли, это истина. Этган Даверт поплатится за свое коварство. Уже платит.

Женой, сыном, до второго сына, Родригу, тьер Эльнор пока не добрался, а вот до первенца, до Луиса – доберется.

Лусия пристроена туда, где ей займутся всерьез. Зная тьерину Велену, пару детей молодая соперница родит, а на третьем скончается от родильной горячки. Или красной сыпи. Или... не важно, от чего она умрет, важно, что это будет сугубо естественная смерть. Тьер Эльнор проследит за этим. Даже яд, если что, отыщет. Надежный, хороший...

Луис же...

Дороги у нас опасны. Поедет он от сестры, тут и конец придет Даверту. И будет в этом нечто справедливое.

Тьер Эльнор помнил, как на дороге остановили его карету. Как глумился наглый сопляк, как ухмылялся, блестя белыми зубами. Теперь Луису предстояло побывать в той же ситуации, но с другой стороны.

Закон жизни. Если ты считаешь себя хищником, рано или поздно на тебя найдется зверушка покрупнее.

Тьер Эльнор просто смаковал этот момент. Предвкушал его. Так ценитель разглядывает на свет запыленную бутылку с коллекционным вином, пытается представить вкус и цвет, потом разглядывает напиток в хрустальном бокале и лишь потом делает глоток.

Тьер Эльнор тоже был ценителем.

Единственное, чего он пока не продумал, – что делать, если Луиса Даверта удастся взять живым в плен?

Понятно, что убивать. И мучительно.

Но это ведь нужно место, время, а хорошо бы и подручные...

Видимо, придется просто убить. Легко отделается, подонок. А жаль...

Но можно ведь послать Эттану кое-какие части его сыночка? И даже перевязать бантиком? Розовым. Мелания любила розовый цвет...

Глаз, например. Или ухо.

Или... Тьер Эльнор представил, что еще можно отрезать у ненавистного врага, и злобно захихикал. Он все больше сходил с ума, но даже не осознавал этого. Мечь разьедала его душу и разум, словно кислота – лезвие ножа. Но пока еще он был опасен.

Очень опасен.

Глава 3

Род Карнавон

Алаис смотрела на Лемарну. Восхищаться не тянуло.

М-да, это вам не Севастополь. Даже отдаленно.

Больше всего Лемарна напоминала греческие города начала двадцатого века. Еще нет бетона, электричества, мир еще не уляпан пятнами неона и рекламными вывесками...

Холмистая местность, то там, то тут украшенная нашлепками зелени. Четырехугольные, квадратные, какие-то математические, иначе и не обзовешь их, дома, напоминающие ласточкины гнезда, серые, коричневые и красные цвета преобладают, белого почти не встречается – видимо, поблизости нет подходящего камня. В гавани стоят несколько кораблей...

– Ну и где твоя родня живет?

Далан, стоящий рядом, сильно напоминал Алаис щенка, только что хвостом не вилял.

– Там! Вон там!

Алаис это «вон там» ни о чем не сказало. Она бы и под страхом утопления в луже не отличила один квадрат от другого.

– Вы нас покидаете? – Эдмон подошел со спины. Тихо-тихо, будто большой хищный кот.

Алаис пожал плечами.

– Думаю, мы сначала прогуляемся к родным Далана, а там уж будет видно, кто остается, кто уезжает. Вы же меня, если что, возьмете до Рентара?

– Безусловно.

Эдмон улыбался. Он тоже рад был видеть родные места.

Побережье холмистое, но стоит перевалить через холмы, и между ними все чаще будут встречаться долины, заросшие фруктовыми деревьями. Боги Моря, как же он соскучился по дому. А ведь и не знал этого...

Такое уж свойство Моря – оно смывает любую тоску, уносит с собой боль и грусть. И только на земле эти зубастые чувства берут свое.

Капитан отошел, Алаис и Далан остались стоять у фальшборта вдвоем.

– Я так соскучился по отцу, по маме, братикам. Вот радость им будет! – Далан смотрел и улыбался.

А Алаис чуть передернулась. Словно холодок налетел среди жаркого полдня. Бывает такое.

И шепчет кто-то – подожди. Не загадывай...

* * *

Гавань оказалась больше города раз в десять. Тут хватило бы места и нескольким линкорам, так что пяток корабликов разных размером и судно маританцев разместились абсолютно свободно.

Далан едва дождался, пока на землю перекинули сходни, и тут же потащил Алаис за собой:

– Пойдем, а? Пошли!

Эдмон проводил их взглядом и тут же забыл про пассажиров. И так работы много...

Далан почти бегом бежал по улицам. Алаис следовала за ним, радуясь, что беременность на ней пока не сказывалась. Ни тошноты, ни прочих радостей, разве что коричневые пятнышки

высыпали на коже лица, окончательно убирая ее сходство с герцогиней Карнавон. Какие уж веснушки у альбиносов?

Вообще, Алаис была довольна своей внешностью. Глаза постепенно переходили от редкостного фиолетового цвета к непонятному сине-сизому. Видимо, выработка пигмента все еще продолжалась. И пусть, так лучше будет. Интересно только, не рассосется ли потом все в обратную сторону? После родов?

Поворот, еще один, и еще несколько улиц, в которых сама Алаис заблудилась бы на третьей минуте, настолько они были похожи одна на другую. Дома, заборы, люди, ослики и лошади...

И, наконец, симпатичный забор из серого камня. Действительно симпатичный, выложенный с фантазией, с выдумкой, где камни крупнее, где мельче, а получается почти орнамент.

Далан уверенно забарабанил в ворота.

Изнутри отозвалась собака. И – все?

Далан забил в ворота уже и ногами. И наконец дождался ответа. Внутри что-то зашебуршилось, звуки приближались.

– А ну не балуй! Пса спущу!

– Ример!!! – заорал Далан что есть силы. – Открой немедленно! Это я, я!!!

За дверью хрюкнули, всхлипнули, ненадолго замолчали, и заскрежетал засов.

– Хозяин Далан, это вы?!

Далан бросился на шею старику, который стоял во дворе.

– Ример!!!

Старик обнял парня, по щекам мужчины покатались слезы.

– Живой! Милостив Арден! Живой!!!

Далан тоже рыдал в голос, и Алаис невольно всхлипнула. Страшное это время для женщины – разум вообще отключается, чем дальше, тем чаще. А какая сентиментальность нападает!

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем выяснилось, куда делась вся семья.

Отец Далана отправился в Атрей – имеется в виду главный город герцогства, – а потом собрался в Тавальен.

Ребенок же пропал! Искать надо!

Мать и братья сейчас уехали в гости к кузине Лизетте и вернуться собирались через два дня. И не знают! А счастье-то какое! Нашлась пропажа!

Слезливая сцена продолжалась, пока Алаис не задала простого вопроса:

– А дать им как-то знать, что ты нашелся, можно?

Ример и Далан перестали поливать друг друга слезами, переглянулись...

– Я сейчас к господину Фентелю, – сориентировался слуга. – Он почтовых голубей держит, сегодня же нескольких отправит дать знать. К завтраму же госпожа будет дома!

Далан кивнул.

– Отлично. Ример, знакомься. Моя спасительница, Алекс Тан.

Старый слуга глядел на Алаис неодобрительно.

– Девка, что ль?

Алаис прищурилась, намереваясь огрызнуться, но Далан опередил:

– Придержи язык, Ример. Если б не она, я бы сейчас на Маритани батрачил!

Уважения во взгляде не добавилось.

– Она меня на Маритани выкупила, сюда дорогу оплатила...

Взгляд серых стариковских глаз стал еще более подозрительным. Ну да, в этом мире сказочку про доброго самаритянина вообще не слышали.

Алаис положила руку Далану на плечо и насмешливо, чеканя каждое слово, заговорила. Как аристократка в обращении к слуге. Да она и была герцогиней! Такие, как Ример...

Хотя нет. По нему видно, что этот из *старых слуг*. Тех, которые хозяев без штанов помнят и опекают их, словно безмозглых деточек. Иногда – до смерти.

Но проняло и бедолагу.

– Любезнейший, вы так и собираетесь держать своего хозяина и его гостью во дворе? Хорошо же у вас хозяйство поставлено, нечего сказать.

А вот это подействовало. Ример сконфуженно поглядел на Далана, неприязненно на Алаис – и склонился в не особо низком поклоне.

– Господин, может, покушать с дороги? А вашей гостье комнату приготовить?

Далан посмотрел на Алаис.

– Окажешь нам честь? Алекс?

Алаис спокойно взяла парня под руку.

– Распорядись, пожалуйста. Я бы действительно отдохнула с дороги. А господин Ример тем временем озаботится доставкой нашего багажа с «Прекрасной маританки» и обедом. Я бы съела что-нибудь не очень тяжелое. Возможно, тушеную рыбу и какой-нибудь суп. Вино к обеду можно не подавать. Ах да. К вечеру пусть мне нагреют воды, я хочу принять ванну. Какие покои ты мне отведешь как гостье?

И все это, подчеркнуто глядя только на Далана, мимо Римера, не обращая на него никакого внимания. Подлизываться к таким слугам – самое глупое, что можно только придумать. Чем больше ты будешь лебезить, тем больше тебя будут подозревать в чем-то недостойном. Но поведи себя как барыня – и тебя поставят на правильное место в пищевой цепочке. Это если очень приближенно.

Раз ты волк, так показывай зубы. И точка.

Далан молчал, пока Алаис говорила что-то про неухоженный двор, и только в доме, где Ример не мог их слышать...

– Алекс, ты чего? Он же хороший...

– Далан, я для него – подозрительная девица без роду-племени, невесть откуда явившаяся, да и беременная к тому же. Как он должен ко мне относиться?

Ответом был смущенный хмык. Притерпевшийся Далан и не думал, как их пара со стороны смотрится.

– Так что подлизываться я к нему не стану. Перебьется. Рано или поздно все станет на свои места, согласен?

Далан кивнул.

– Вот, есть гостевая комната.

Комната была на первом этаже. Вполне симпатичная и уютная, одинаково подходящая для мужчин и женщин. Стены обтянуты нежно-зеленой тканью, тяжелые шторы – сочетание желтого и коричневого цветов, мебель благородного коричневого оттенка – дуб? Да, наверное.

Алаис упала прямо на шоколадного оттенка покрывало на кровати.

– Я отсюда никуда. Как принесут мой багаж, распорядишься, чтобы занесли? Штаны до слез надоели, хочу платье надеть.

– Распоряжусь. Отдохнешь?

– Ага, спасибо...

Алаис зевнула во весь рот.

Пусть Далан крутится среди слуг. Если она все правильно понимает, сейчас о ее подвигах такого порасскажут – представить страшно. Что было – приукрасят, чего не было – добавят. И вечером отношение к ней будет чуточку другое. Тогда и будем ковать железо. А сейчас – бессмысленно. Интересно, кто эту комнату обставлял? Очень стильное место, и вовсе не купеческое, скорее, для аристократов. Слишком строго, просто и аккуратно, и ни следа пошлой роскоши, которая отличает остальной дом.

Алаис снова зевнула, скинула сапоги – и как была, в одежде, завалилась на покрывало.

Поспать бы хоть пару часов.

* * *

Проспала она едва не до вечера. А разбудил ее Далан. Вошел, потряс за плечо.

– Алекс, ванна готова, одежду доставили, ужин через час. Успеешь?

За горячую ванну Алаис готова была на все, что угодно.

– Успею.

Кто не был лишен такой роскоши в течение пары месяцев, не представляет, какое это наслаждение. С головой погрузиться в горячую воду, полежать, отмокая, наслаждаясь горячим паром, возвращающим к жизни каждую клеточку тела.

Намылиться, ополоснуться, смыть вьевшуюся, кажется, в самые кости грязь, и снова намылиться. До скрипа.

Вот оно – счастье.

А потом высушить полотенцем волосы, уложить их щеткой из кабаньей щетины и наконец-то надеть новое платье. Из тех, что были заказаны на Маритани. И новые туфельки.

И можно не скрывать, что ты – женщина.

Это – рай.

К столу Алаис вышла в ярко-голубом платье и новых туфельках, с лентой в коротких волосах. Далан подскочил, словно укушенный.

– Алекс, ты... это...

Алаис улыбнулась. Парнишка привык видеть ее в образе «солдатики Джейн», а тут вдруг – женщина. Конечно, удивился.

К тому же, слава беременности, у нее на месте двух прыщей появились две выпуклости, да и мясо чуть-чуть на костиросло. Уже не заморенный скелетик Алаис Карнавон, а вполне привлекательная девушка.

Ример проводил женщину неодобрительным взглядом, но смолчал. Уже наслушался от Далана. К тому же за столом Алаис вела себя, как и подобает благородной даме. Ловко орудовала столовыми приборами, поддерживала застольную беседу...

– Голубей я послал, надеюсь, что родные вскоре будут дома.

Алаис кивнула.

– Далан, скажи, возможно ли снять неподалеку домик? Не хотелось бы обременять вашу семью своим присутствием.

А обременять придется долго. Уже третий месяц беременности пошел, так что плюс полгода до родов, плюс год после родов.

– Алекс! Никого ты не обренишь! Клянусь!

– Далан, мы это уже обговаривали. Я обязана заботиться о своей репутации...

И заодно – о репутации еще не рожденного ребенка. Люди потом такого сочинят... и Далану его припишут. А Алаис не собиралась этого позволять.

Это ее сын. Он имеет право на титул Карнавонов, и он его получит.

Мысль о том, что у нее родится девочка, в голову Алаис даже не забрела.

* * *

А следующее утро для Алаис началось с неприятных ощущений.

Проснулась она от грохота кареты по мостовой, скрипа ворот и радостного визга:

– Нашелся!!!

Что-то верещали дети, плакала женщина, бубнил Далан, Алаис хотела поглядеть в окно, что происходит, но тут взял свое сволочной токсикоз, и она минут пять корчилась над ночным горшком.

Видимо, пока было нельзя, организм терпел, держался до последнего, крепился, а тут, в безопасности, и расслабился.

И выдал наружу все содержимое.

После спазмов Алаис распростерлась прямо на полу, прижалась щекой к холодным доскам, вдохнула, выдохнула...

Страшно. Тут ведь ни медицины нормальной, ничего! Смогут ли ей помочь, случись беда?

Больше всего пугает не ситуация, а то, что от тебя-то в ней ничего и не зависит!

Желудок постепенно успокоился, Алаис выждала еще минут пятнадцать для верности и принялась одеваться. Сейчас многое зависит от матери Далана. Если они найдут общий язык, все будет намного проще. Так что скромность, строгость и еще раз респектабельность.

К завтраку Алаис спустилась в темно-синем платье с прошивкой из серебряной нити. Очень простом. Очень богатом. Не драгоценностями богатым, а тканью – дорогой ирунской шерстью. Такой и аристократки не брезговали.

Никакого выреза, воротник под горло, вышивка по лифу, длинные рукава, пена белого кружева вокруг шеи и запястий, волосы ловко скручены в узел на затылке и подхвачены лентой того же оттенка. И даже рыжий цвет не так бросается в глаза.

Войдя в гостиную, Алаис поняла, что поступила правильно.

Смотрела на нее хозяйка дома так, словно примерялась, какой кусочек отрезать для первого блюда, какой для второго, и появившись Алаис в чем-то более простом, не преминула бы съязвить. Но девушка справилась. И теперь две женщины с интересом разглядывали друг друга.

Мать Далана была темноволосой и кареглазой женщиной лет тридцати. Милое усталое лицо, сложная прическа, элегантное платье из палевого шелка, нитка жемчуга...

Алаис подумала, что у нее тоже драгоценности есть, но тут же цыкнула на себя.

Что за мерзкая привычка? Маня обвешивается серебром, значит, Тане надо золотом, а Люсе вообще бриллиантами. Это не благородство, а обезьянничество. И Алаис чуть склонила голову, первой представляясь хозяйке дома.

– Александра Тан.

И все. Ни слова, ни звука, она сделала первый шаг, теперь пусть мать Далана делает свой ход.

– Элайна Шедер.

Две женщины молчали. Мерили друг друга взглядом, оценивали соперницу. Алаис заметила, что глаза у Элайны чуть припухшие. Или мало спала, или плакала. И то и другое пока говорило в ее пользу – сын нашелся.

Молчание Алаис не тяготило. Хороший юрист знает, что и когда сказать, но еще лучше он знает, когда надо промолчать. Первой не выдержала Элайна:

– Вы беременны?

– Не от вашего сына, – не стала отрицать Алаис.

– Но хотите, чтобы он на вас женился?

Алаис мысленно поставила Элайне еще один плюсики. Лучше прояснить все сразу, не виляя. И покачала головой.

– Далан воспринимает меня как старшую сестру, пусть так и остается.

– Вам негде жить?

– Пока – негде.

– И не на что?

– Негде. Но есть на что. Поверьте, я не пропаду, но жилье подыскать хотелось бы.

– Далан уже привел вас в мой дом.

– И мне не слишком хочется в нем оставаться. Я бы предпочла что-то другое, в тихом квартале или даже за городом, не слишком богатое, лишь бы там было хорошо моему ребенку. Возможно, если у вас на примете есть женщина, которая готова стать нянькой, а при проблемах с молоком и кормилицей, я бы поселилась сразу у нее.

Элайна медленно кивнула.

– Присаживайтесь, Александра. И расскажите мне, как вы встретились с моим сыном.

Алаис вежливо улыбнулась в ответ и присела на край кушетки. Аристократки не разваливаются во всю ширь.

– Отец хотел выдать меня замуж с большой выгодой для себя. Я не оценила оказанной мне чести. Жених был... не в моем вкусе.

– Он был старше вас?

– Да, примерно на сорок лет. И толще раз в шесть. Вдовец, с детьми, уморивший уже двух жен. Становиться третьей мне не хотелось. К тому же у меня был любимый человек. Он работал у моего отца, и пожениться нам не разрешили бы. Когда я поняла, что избежать брака не удастся, мы решили бежать.

– Вас догнали?

– Нет. Я пришла в условленное место намного раньше – так получилось, и увидела, как мой любимый человек получает деньги от моего отца. За мою поимку. Не приди я раньше, наткнулась бы на засаду. Что мне оставалось? Только бежать одной.

– А ребенок?

– Я считала, что люблю и любима. Мы не стали ждать благословения Храма, но рожденный в браке или вне его, это все равно мой ребенок. И я от него не откажусь.

Элайна расслабилась окончательно. И поверила. Это было видно и в сочувственном взгляде, и... показалось Алаис, но как-то у женщины дернулись губы, когда она говорила про ребенка?

Больное место?

Потом разберемся.

– Вы понимаете, что с внебрачным ребенком вам будет навсегда закрыта дорога в общество?

– Тем хуже для общества, – пожалала плечами Алаис. – Я туда и не рвусь.

– А ребенок?

– Госпожа Шедер, а почему вы называете его внебрачным? Так получилось, что Далан, путешествуя, заехал к своему кузену, к примеру, Ли Тан. Кузен умер, но у него осталась вдова и ребенок, которых юноша и пригласил в Лемарну, чтобы уберечь от лишних тягот.

– У нас не было подобного кузена.

– Значит, был другой. Или не кузен, а старый хороший друг.

Элайна подумала пару минут.

– Это возможно. Значит, это ваша цена за спасение моего сына?

Алаис напряглась. И постаралась аккуратно обойти сложный момент.

– Госпожа Шедер, я не понимаю, о каком спасении речь. Ваш сын ездил в Тавальен, где и заходил в гости к...

– Другу.

– Да, к другу семьи. О каком спасении речь?

– Хм-м...

Рабство считалось обыденной деталью жизни, но к чему это Далану?

Не было такого. И рабского корабля не было, и Маритани. Подростки глупы, пойдут сплетни, начнутся издевательства, а тут все респектабельно и даже скучновато. Сплетники,

конечно, посудачат на тему Александры Тан, но быстро забудут. История-то самая обычная. Тяжело вдове без мужа.

А если женщина будет вести себя пристойно...

Элайна еще раз оглядела сидящую напротив Александру.

Красива, что тут можно сказать? Даже не красива, это порода сказывается. Явно в предках аристократы были, видно по тонкой узкой кости, по резким, словно высеченным из камня чертам лица, по выражению необычных глаз... какого же они цвета?

Что-то сизое, как голубиное крыло.

– Скажите, рыжий...

– Это не мой цвет волос, но так было проще.

– Может быть, стоит его смыть?

– Это сложнее сделать, чем кажется. Но полагаю, маски из вина с маслом, луковый сок и уксус могут вернуть мне цвет волос, близкий к природному.

– Пара дней у нас есть, прежде чем весь город заговорит о возвращении Далана. Нам хватит, чтобы привести вас в порядок.

– И найти мне жилье.

– Вам придется дней десять пожить у нас, а уж потом...

Алаис кивнула.

Ей того и надо было. Она уже не невесть откуда взявшаяся подозрительная девица, она давняя знакомая, а то и родственница Шедеров. Это уже статус.

Даже если шпионы супруга попадут в этот городок, на вопрос: «не живет ли у вас тут одинокая женщина, невесть откуда приехавшая», им разведут руками.

Таких нет.

Есть почтенная вдова Александра Тан из Тавальена. Вдова господина Ли Тана, сказочника. И она собирается продолжать дело своего покойного супруга. Ведь это так несправедливо, что мир не услышит его сказок?

– У вас все платья такого рода?

– Есть что-то попроще, есть побогаче, – пожала плечами Алаис. – Могу показать вам свой гардероб, чтобы вы были спокойны. Я понимаю, что и куда надо носить, и вашу семью не опозорю.

Элайна смягчилась окончательно.

– Покажите, пожалуйста. В маленьких городках есть свои особенности, и мне не хотелось бы вызвать лишние кривотолки.

Алаис мило улыбнулась.

– Когда вы выберете время?

– Можем даже сейчас. Сегодня завтрак подадут попозже, я распорядилась.

Думала, что до завтрака придется выкидывать из дома неизвестную девицу? Потому и Далана услали?

Вслух Алаис этого не сказала. Ни к чему.

– Тогда пройдемте? Далан отвел мне гостевую комнату.

Заказанный на Маритани гардероб вызвал одобрение Элайны. Забракованы были только несколько платьев, слишком коротких и ярких для Лемарны.

– Это лучше носить дома. Не одобряют.

Алаис кивнула, послушно убирая поглубже «короткие», чуть пониже колен, платья.

– Хорошо.

– Мам, а вы здесь?

Далан ворвался вихрем.

– Алекс, доброе утро! Ты как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – проворчала Алаис.

Элайна внимательно наблюдала за ними, но не обнаружила никаких чувств, кроме дружеских. Довольно кивнула и постановила себе помочь девочке. Если, конечно, та не врет.

Это мы еще проверим.

Но даже если где-то в ее истории и зияют прорехи, главное не это.

Главное – Далан ее не интересуется. И она его тоже. И мальчика она действительно спасла с Маритани.

Разве мало для благодарности?

Смоем эту ужасную рыжину с волос и начнем всем представлять почтенную вдову Александру Тан.

А дом...

Элайна задумалась.

А ведь был у нее один домик на примете...

Семейство Даверт

Желание тьера Луиса отправляться домой было воспринято семейством Карст с пониманием. Погостили, пора и честь знать.

Желание приехать к рождению племянника – тем более.

Донат Карст лично обещал и написать, и пригласить. И даже прислать списки наиболее интересных книг. Луис действительно с кровью и болью душевной отрывался от библиотеки. Карсты это понимали и ценили.

Лусия провожала брата со слезами. Она все-таки была беременна, и настроение скакало каждые пять минут. Тьерина Велена поглядывала зло, но внешне проявляла любовь и заботу. Все же сама она уже наследника не родит, на Мирта надежды мало, а род продолжать надо.

Доволен был Массимо. В Карсте он чувствовал себя неудобно. Что-то такое...

– Как злой взгляд в спину, – честно признавался он Луису. – Так и сверлит, и сверлит...

Луис ничего такого не ощущал, но с готовностью верил.

Да и загостились уже, домой пора...

Им и в голову не пришло, что через час после отъезда Луиса из голубятни вылетел самый неприметный серый голубок с парой белых перьев в хвосте – и летел он аккуратно к тьеру Эльнору.

Тьерина Велена отлично знала, что происходит в ее замке.

Знала, кто посещает постель Лусии Даверт, знала, для чего это сделано. И – ненавидела. Пусть все для блага семейства Карст, но вдруг? Вдруг Мирт станет нормальным?

Мальчик ведь полностью здоров, рано или поздно ему надоест возиться с кистями и красками. Да и что в этом такого? Кто-то безудержно охотится на зверей, кто-то бежит за девушками, кто-то душу готов продать за очередную пыльную книгу, а Мирт – вот так. Что в этом плохого?

А ведь если у Лусии родится ребенок... не окажется ли Мирт помехой на его пути?

В Донате тьерина Велена была уверена – он любит сына. Но ведь есть еще и Лусия! А какие глупости творят пожилые влюбленные мужчины...

Да, влюбленные.

Тьерина Велена не могла обмануться, она слишком хорошо помнила, как Донат ухаживал за ней. Тот же огонь в глазах, те же легкие движения...

Может ли Лусия убедить его, что Мирт – не нужен? Да и она, тьерина Велена, тоже?

Ох, может.

И выход тут только один – ударить первой. Бить и бить на опережение, чтобы Лусия не смогла защититься. Ребенка она стерпит, это сын Доната, а вот его шлюховатую мамашу – нет!

И если надо шепнуть тьеру Эльнору, по какой дороге поедет из замка в Тавальен тьер Луис, сколько с ним людей, как они вооружены...

Тьерина Велена осознавала, что не ради доброго дела такие вопросы задаются, но ей было все равно.

Чем меньше Давертов, тем лучше. Если кто и сможет добраться в Карст, так только Луис Даверт. Тьерина не теряла времени, расспрашивая всех, до кого добралась. И понимала, что два других брата за сестру горой стоять не будут. А Преотец...

Сколько таких Преотцов было? Одним больше, вторым меньше...

Пусть тьер Эльнор разбирается с Луисом Давертом. А тьерина Велена рано или поздно разберется с Лусией Даверт. Смерть при родах – это такое естественное осложнение в нашем мире...

* * *

Двенадцать дней пути прошли без происшествий. Подъем на рассвете, завтрак, и в седло. Рысью, галопом, шагом. Смена коней. И вновь – рысью, галопом, шагом. До обеда в придорожной таверне, которых много попадается на пути. Или до вечера – как повезет. Ночевка – и снова в путь.

Эта таверна на первый взгляд ничем не отличалась от прочих.

Те же закопченные балки потолка, те же связки лука, развешанные по стенам, даже тараканы были на одно лицо – усатое и очень похожее на трактирщиково.

И все же...

Что царапнуло Массимо Ольрата?

Что заставило его, словно бойцовскую собаку, вздыбить шерсть на затылке и ощерить клыки? Холодный взгляд глубоко посаженных глазок трактирщика? Такой... оценивающе-узнавающий, направленный на Луиса. Или слишком быстро выскользнувший во двор слуга? Или испуганный взгляд служанки?

Массимо не мог сказать ничего определенного, и все же, все же...

– Тьер Луис, вы бы кольчугу надели.

Луис удивленно посмотрел на друга.

– Массимо, к чему это?

– Не знаю. А все ж свербит у меня.

Луис прищурился.

– Ну, если свербит... Думаешь, трактирщик разбойникам капает?³

– Может и такое быть. Опойт нас сонным зельем, да и порежут всех тепленькими.

Луис задумался.

Будь он в Тавальене, он бы просто прижал трактирщика и как следует его расспросил. Но тут было еще герцогство Карст. И герцог может немножко расстроиться из-за такого самоуправства.

– Что ты предлагаешь?

– Я порасспрашиваю людей. А вы осторожнее тут, ладно?

Тьер Даверт кивнул. Это было разумно.

Служанку Массимо отловил у колодца и затащил в сарай. Та и не пискнула, да и сложно это сделать с зажатым ртом и придавленной для верности шеей.

– Тихо, дорогуша. Убивать не буду. Денег хочешь?

Сопrotивления мгновенно ослабло.

³ Ближайший аналог – сливает информацию.

Ну да, девушек из таверны изнасилованием не напугаешь. А если деньги предложить, они и сами кого хочешь напугают.

Трепыхания стихли, Массимо повертел перед жадными глазенками золотой монеткой и опустил ее за корсаж девушки.

– Мумумуму мумуму.

– Надеюсь, это благодарность? Будь любезна, помолчи – и я тебя отпущу.

Девушка закивала.

Экстравагантный способ приглашения в сарай она Массимо уже простила. А за пару золотых готова была приглашаться таким образом хоть по три раза на день.

Мужчина не без опасений разжал руки, но девушка кричать не стала. Наоборот, повернулась и прижалась покрепче.

– О чем ты хотел со мной... поговорить?

Выпуклостей у нее было в достатке. Массимо не отказался бы исследовать их подробнее, но то раньше. Когда он был моложе, глупее и бросался на все, что движется. А сейчас уже возраст не тот, чтобы нижней головой думать.

Кто ее знает, с кем она там валялась? И что в результате подцепить можно?

– О странном поведении твоего хозяина. Скажи-ка, девочка, часто он сонным зельем балуется?

У девушки глаза стали больше золотой монеты, которой водил перед ее глазами Массимо.

– Вообще не балуется...

И ведь не врала! Это Ольрат заметил бы сразу, с его-то жизненным опытом.

– Хочешь сказать, что у вас хороший двор, а не разбойничий притон?

– Никогда у нас такого не было! – Подавальщица аж ножкой топнула. – У нас место приличное!

– А чего тогда ваш трактирщик дергается, словно ему вертел в зад засунули?

Девушка задумалась...

* * *

– Что выяснил? – Луис был насторожен и недоволен. Массимо, впрочем, тоже.

– Интересные вещи. Девка, с которой я говорил, глупа, как пробка. Но все же... Трактирщик никого сонным зельем не опаивал, но для нас может сделать исключение.

– То есть?

– У него здесь почти месяц жили двадцать человек. Наемники, и не из худших. Ели-пили, но, вообще, пребывали в боевой готовности. Вот чтобы вечером погулять, а наутро уже в седло.

– Двадцать человек? Месяц?

– Дорогое удовольствие. Подавальщица обмолвилась, что хозяин втрое чаще стал продукты закупать. Платили не скупясь, девкам тоже скучать не приходилось, но все было прилично. Ничего такого, что привлекло бы лишнее внимание.

– И кто их в руках держал?

Луис сразу ухватил самую суть. Наемники – это вам не пансион благонравных девиц, хотя и последних без пригляда отпускать не стоит. Если бы над ними (что теми, что другими) никто с плетью не стоял, все окружающее мигом бы превратилось в бордель с гулянкой.

– А вот это самое интересное. Некий тьер Элор. По утверждению подавальщицы – ханжа и зануда. Не пил, не гулял, ни разу ни оскоромился...

– Ни вином, ни девкой?

– Ничего удивительного в этом нет, дело житейское.

Луис подумал, и кивнул. Но Массимо еще не закончил.

– Трактирные девки вообще неплохо в людях разбираются, чтобы не налететь на нехорошие дела. Или погибают. Эта, при всей своей глупости, тут уже не первый год работает. И вот что она сказала – тьер Элор безумен.

– Безумен?

– Она не совсем так выразилась...

Массимо вспомнил, как морщила лоб девчонка, пытаясь выразить нечто неопределимое: *«Есть такие... вроде и тихий, но что-то у него в глазах такое... в голосе... не знаю! Лучшие весь ваш отряд обслужить, чем одного такого! Не знаешь, то ли он тебя огуляет, то ли на куски погромсает...»*

– Отряд наемников под предводительством сумасшедшего? Интересно...

– Потому и хозяин нервничает. Он этого тьера точно знал и чем-то был ему обязан. А дня за четыре до нашего приезда к тьеру Элору голубок прилетел. Тот прочитал да и на следующее утро собрался.

Луис скрипнул зубами.

– Думаешь, засада?

– Не удивился бы.

– Но почему тогда... конечно! Болван!

Казалось бы, почему не убить их еще раньше? Устроили бы засаду, они бы и полегли, до трактира не доехав? Но, во-первых, это было бы на землях Карста, а во-вторых, местность вокруг была решительно неподходящей для засады. То ли дело – дальше! Вскоре должен был начаться Ротонский лес! Место дикое, нехорошее и богатое на разбойников. Не один отряд безвестно пропадал под кронами его деревьев.

Эттан Даверт, при всем его эгоизме, убийство сына не оставит без последствий. Будет искать, выяснять, разбираться... доберется до этого трактира и узнает, что проезжал мимо тьер Даверт-младший. Ночевал, уехал, да и сгинул.

Где помер, как помер... не знаем!

Луис раздумывал недолго.

– Думаю, ночью надо поговорить с трактирщиком.

Двадцать человек наемников против полусотни гвардейцев – казалось бы, у последних двукратное преимущество. Справятся. Но тут многое зависит от расстановки сил.

Например, если полсотни человек, ошестинившись оружием, в кольчугах и готовые к нападению, двигаются по лесу.

Или, пятьдесят человек проезжают через лес, а на них внезапно нападают из засады. Луис знал, как бы он это осуществил. Да и бывало, чего уж там.

Подпилить дерево, чтобы упало на дорогу, устроить пару завалов вдоль дороги, спрятать за ними стрелков, а дальше...

Дальше он бы на отряд много не поставил.

Половину перестреляют, как куропаток, а вторую перережут. Если кто и уйдет... тут зависит от организатора засады. У Луиса бы никто не ушел.

– Убивать будем? – Массимо был сама деловитость.

Луис пожал плечами.

– Подумаем.

* * *

Кто-то любит просыпаться от запаха свежесваренного кофе.

Кто-то – от крика петуха.

Кто-то – от солнечного лучика, пробежавшего по лицу и пощекотавшего нос.

Трактирщику с говорящей кличкой Старый Хряк в эту ночь выпало проснуться от вставленного в рот кляпа и сильного удара под дых.

Мужчина дернулся, замычал, но кто-то прижал ему руки, а тяжесть навалилась на ноги, лишая возможности дернуться.

– Вот только шевельнись, с-сука.

К горлу прижалась холодная сталь.

Мужчина передернулся – и тут же замер, показывая господам, что он смирный, добрый и отлично понимает по-хорошему.

– Не будет дергаться.

– Нет, не будет, – согласился второй.

Первый мужчина склонился над трактирщиком. В лунном свете его глаза казались черными провалами на лице.

– Я сейчас кляп вытащу. Но если дернешься – или заорешь...

Сталь от горла не убралась, но что-то острое кольнуло в пах. Трактирщик облился холодным потом.

– Охолостить я тебя всегда успею. Понял?

Ответом стало согласное мычание.

Луис медленно двумя пальцами вытащил кляп изо рта трактирщика.

– Ты, харя, рассказывай. Что за тьер Элор?

Если бы на беднягу трактирщика свалилась крыша, и тогда он бы чувствовал себя лучше.

А так...

– Пом-милуйт-те...

Сталь (в обоих местах) прижалась плотнее.

– Не слышу?

– Он же м-меня...

– А я ближе. Намного ближе... – Луис почти шептал, придвинувшись вплотную к мужчине. – Как настоящее имя тьера?

И трактирщик сдался. Чай, не брата выдавать.

– Эльнор...

Сталь убралась.

Луис уселся прямо на кровать и схватился за голову.

– Эльнор? Предстоящий Эльнор?!

Массимо, видя, что допрос явно затянется, деловито спутал трактирщика и дотронулся до плеча Луиса.

– Знакомый?

– Более чем.

Луис с усилием брал себя в руки. Мысль о том, что тьер Эльнор может начать мстить, ему в голову не приходила. Не вследствие ограниченности, нет. Просто Эттан Даверт за сына стал бы мстить, только если других важных дел не найдется. А за дочь – вообще не стал бы.

Мужчина встряхнулся и принялся расспрашивать трактирщика.

Под угрозой кастрации тот запереться не стал.

Да, тьер Эльнор.

Прожил у него тут с отрядом достаточно долго, поджидал чего-то. Известий о вас, тьер? Может, и так, он своими планами не делился.

Почему против никто не был?

Так тьер Эльнор мужик неплохой. Не злой, не глупый, не подлый, сестре трактирщика когда-то помог, чего б и не отплатить добром за добро? Платит исправно, наемники его слушались, не хулиганили... чего еще?

Трактирщик за этот месяц еще и заработал.

Заметил что-то?

Это было. Это – да. Трактирщики тоже неплохо разбираются в людях, ремесло такое. И видно, что у тьера Эльнора того-с... птицы в голове гнездо свили⁴. Может, и птенцов уже вывели, кто ж его знает.

Говорить-то тьер ничего не говорил, молчал, как рыба вареная, но проскальзывало у него иногда такое...

Трактирщик бы с ним никаких дел иметь не стал. И дочку б за такого замуж не выдал.

Луис скрипнул зубами.

Замечательно. Впереди их может ждать засада под предводительством безумца. И самое опасное то, что у тьера Эльнора «гнездо свили». Что в нем может вылупиться – кракен его знает!

Мужчина перевел взгляд на трактирщика.

– Убить бы тебя, харя жирная...

Бедолага облился потом, и уже не в первый раз. Луиса Даверта он тоже успел оценить и сейчас тихо скулил, что не виноватый, заставили, детушки-матушки-батюшки пропадут, таверна захиреет, и вообще – помилуйте!

Пару минут Луис думал, а потом махнул рукой.

– Живи, шкура. Но если узнаю, что ты Эльнору капнул...

Трактирщик неистово замотал головой. И, кстати говоря, не врал.

Кто ему тот тьер Эльнор – сват, брат, дядя любимый? Два волка грызутся – лиса в норе сидит. Голодной она уж точно не останется.

* * *

У себя в комнате Луис улегся на кровать. Исповедаться Массимо полностью он не стал, просто сказал, что тьер Эльнор тоже хотел стать Преотцом, но Эттан жестоко обошел бедолагу. Вот, надо полагать, Эльнор и взбесился.

Но это было сказано вслух. А в глубине души Луис подозревал, что причина безумия тьера другая. Совсем другая...

Та соплюшка... как там ее?

Тьерина Мелания.

Испытывал ли Луис вину за ее гибель?

Да.

В войне всегда гибнут невинные, но тьерина не была жертвой войны. Просто Эттан Даверт захотел стать Преотцом, а тьер Эльнор не ко времени выписал дочь из монастыря. А дальше случилось то, что случилось. Кто тут виноват больше – неясно. Наверное, все же Эттан Даверт со своими амбициями. Но и Эльнор ведь не агнец невинный?

Вот если бы попытались похитить Лусию... не просто ж так Эттан отправил с ней полсотни гвардейцев! Кто мешал Эльнору нанять отряд наемников? Конечно, они с отцом не отступились бы от своего плана, но возможно, все пошло бы иначе. Кто еще должен заботиться о твоей безопасности, кроме тебя самого? Если уж ты решил прыгнуть в змеиную яму, так хоть доспехи надень...

Луис лежал в темноте и смотрел в окно. Ночь медленно уходила, рассвет закрашивал небо в более светлые тона, робко смахивая с него звезды.

Картина вырисовывалась неприглядная.

Эльнору прилетел голубь из Карста. У него там кто-то есть?

Наверняка.

⁴ Аналог выражения «крыша уехала».

Лусия в опасности?

Вот это – вряд ли. Пока она не родит ребенка, за малявку можно не беспокоиться. А может, и потом. Вряд ли герцог ее даст в обиду. Хотя и герцогиня там есть, но и она не станет действовать до родов.

Отец, Эрико, Родригу?

Тут, скорее, надо Эльнору посочувствовать. Они за себя постоять могут.

Мать?

Вот тут Луис и задумался всерьез.

Может ли тьер Эльнор быть причастен к смерти Вальеры Тессани? Может – или нет?

Ответа не было.

Проворочавшись без сна, Луис принял соломоново решение. Увидеть Эльнора и спросить напрямую.

Если у него будет возможность добраться до Эльнора, предстоящий ему все выложит. Вплоть до списка любовниц. А если возможности не будет...

Луис не сильно верил в Ардена. Но мертвым будет уже все равно.

Возможность, возможность...

Было еще темно, когда он разбудил десятников, и принялся объяснять диспозицию. Потом командиры довели то же самое до сведения всех гвардейцев. Те заворчали, но принялись готовиться. Лучше перестраховаться, чем помереть.

Луис тоже готовился, советовался с Массимо.

Убивать тьеру приходилось, и рука бы не дрогнула. Но надо было не убить, а захватить живьем. И один Луис боялся не справиться.

По счастью, у Массимо был богатый опыт, накопленный среди наемников.

Оставалось только следовать плану и надеяться, что тьер Эльнор не выкинет ничего уж вовсе безумного. Вдруг повезет?

* * *

Утро, солнышко, птички, лес – красота!

И по этому лесу едут пятьдесят человек. Вроде бы – едут без опаски. Смеются, болтают, не ждут нападения: что ж разбойники – дураки совсем? Нападать надо на кареты, на караваны, а на вооруженный отряд тавальенских гвардейцев – глупо. Денег не найдешь, а вот проблем на свою голову – вполне.

И только очень внимательный взгляд мог бы заметить кольчуги под застегнутыми камзолами, удобно сдвинутые мечи, прикрытые полами плащей, а кое у кого и метательные ножи на перевязях.

Только рукой шевельни...

Все были готовы, все знали, что и кому делать, все ждали нападения – и дождались.

Луис даже не удивился, когда большущее дерево, скрипнув ветвями, начало падать на дорогу.

И с двух сторон дороги по гвардейцам ударили стрелы.

На дороге воцарился хаос. Впрочем, вполне управляемый. Тут главное было – крепко держать лошадей, чтобы не начали паниковать, биться, пытаться ускакать, а то половину людей и так перекалечат.

Лошадь – создание милое и умное, но не тогда, когда она встает на дыбы и машет в воздухе копытами. Тяжеленными...

А она может, когда испугана, когда ранена – и кто осудит лошадей?

К счастью, кони у гвардейцев были хорошо выучены, и травм удалось избежать.

С солдатами все было обговорено заранее. Часть просто попадала с лошадей – при надлежащей выучке это несложно. Кто-то попытался ускакать, но сзади дорога уже тоже была перекрыта – вторым деревом.

Луис схватился за меч.

В него не стреляли, Массимо изображал мертвого на дороге... что еще? Да ничего тут не сделаешь, только ждать.

Отряд сбился в кучу, оцетинился со всех сторон клинками и щитами, показывая, что так просто их не достанешь. Даже если стрелять «навесом», все равно ничего не получится.

– Прекратить стрельбу! – прозвучал голос из леса.

А вот и тьер Эльнор.

– Опустить оружие! Гвардейцы, ваши жизни мне не нужны. Отдайте мне Даверта – и убирайтесь!

– Подойди и возьми, – рявкнул в ответ кто-то из солдат.

– Тьер Эльнор, – Луис нарочно возвысил голос, чтобы его слышали и свои, и чужие, – мы не сдадимся. Вы можете здесь всех своих положить, а меня не достать. Но если выйдете сами – мы поговорим.

Ответом Луису был издевательский смех.

– Я сейчас прикажу вас перестрелять.

– У вас стрелы раньше кончатся, чем у нас кольчуги. Выходите! Решим наш спор один на один! Или вы боитесь? Хотя вы и раньше меня боялись. Крысы трусливы!

Луис сделал несколько шагов вперед, всем своим видом выказывая презрение к противнику.

Кусты закачались.

Минута, вторая – и вот тьер Эльнор встал на дороге, сразу за поваленным деревом, чтобы до него нельзя было сразу добраться. Луис взгляделся в противника.

А ведь и верно – мужчина производит впечатление сумасшедшего.

Он в чистой одежде, умыт, выбрит, но что-то такое есть в его лице... то ли непроизвольное подергивание мышц вокруг рта, то ли огонь в глубоко запавших глазах, то ли само выражение...

Нет, не понять.

Но это как с собакой. Смотришь – и понимаешь, что она бешеная. Хотя она еще за сто шагов от тебя, и у нее не капает еще пена с клыков. Но что-то внутри буквально кричит об опасности.

Безумно!

Уничтожить!

– Даверт! Ты готов сдохнуть?

Луис вяло помахал рукой.

– Приветствую, предстоящий. Как поживаете?

У тьера Эльнора задергался уголок рта.

– Ты! Все ты...

Что касается ругательств – Луис и поинтереснее слышал. А потому пожал плечами.

– Я, предстоящий. Убивать будете?

– Да! Ты мне за все ответишь, отродье!

– А мою мать вы зачем убили? – спросил Луис.

Собственно, и весь спектакль он затеял именно ради этого вопроса. И не зря. Потому что в глазах предстоящего полыхнуло безумие.

– Чтобы под ногами не мешалась! Вздумала она о моих планах вынюхивать... с-сука...

Луис сжал кулаки. Потом медленно разжал их.

Не надо начинать раньше условленного сигнала. Не надо...

Была опасность, что тьер Эльнор просто перебьет их всех, а потом поглумится над трупом. Но Луис сделал ставку на его безумие.

Если несколько человек твердят об одном и том же, стоит им поверить.

Как и многие безумцы, тьер Эльнор просто упивался собственной гениальностью. И мечтал поиздеваться над противником.

А какое может быть издевательство над трупом?

Ногами попинать?

Так ему даже больно уже не будет. Это неправильно.

Зато вот так... перебить часть отряда Луиса, убедиться, что остальные на прицеле, и выехать помучить оппонента...

Это в традициях Храма.

Луис оскалился.

– Мать – ты. Брак Лусии – тоже ты?

– Разумеется, – захихикал тьер Эльнор. – И братика твоего тоже я. Можешь подышать с мыслью о том, что вы скоро увидите.

– Кто?!

– Там узнаешь...

– А до отца, значит, не добрался. Не по зубам тебе Эттан Даверт. Оно и понятно. На Преотца охотиться – это не из кустов твякать, – резюмировал Луис.

И едва не отшатнулся назад. Так исказилось лицо тьера Эльнора, что на секунду показалось – сейчас кинется и в горло вцепится!

– Доберусь! Но сначала он на ваших могилках поплачет, – процедил тьер. – Ты умирать будешь долго... Визжать будешь, скулить, а я тебя на кусочки резать буду. И самые аппетитные твоему папаше пошлю.

Луис фыркнул.

Описанная картина будущего его не впечатлила.

– Знаешь что, Эльнор?

– А?..

– Сдохни!

Предстоящий не сразу отреагировал – и это логично. Так был бы в шоке кот, если бы пойманная им мышка внезапно превратилась в собаку.

А Луис соскользнул с лошади – и рванулся вперед.

За его спиной послышались крики – и он, даже не оборачиваясь, знал, что там происходит.

Арбалет – штука полезная. И хорош он тем, что его можно взвести даже лежа на земле. От всадников люди Эльнора ожидали подвоха, на них смотрели, а вот на мертвых...

Тем временем, пока Луис препирался с врагом, «мертвецы» взвели тетиву, наложили болты, а потом и прикинули место расположения стрелков в засаде.

Туда и стреляли сейчас. И небезуспешно, судя по крикам боли.

А сам Луис метнулся вперед.

Через дерево, через сучья и ветки... Это лошади его не преодолеть, а тренированному сильному мужчине – вполне.

Тьер Эльнор убежать не стал. Так велики были его боль и ярость, что в руке мужчины блеснул меч. Уж насколько хорошо он им владел...

Впрочем, это осталось неясно. Потому что Массимо Ольрат, спокойно зарядивший арбалет, приподнялся – и всадил Эльнору арбалетный болт в правый бок. Хотел в плечо, но мужчина дернулся не ко времени.

Предстоящий взвыл, сгибаясь вдвое, – и до него добрался Луис, от души приложив кулаком в челюсть.

Принялся сноровисто увязывать, чтобы не покончил с собой, не дай Арден.

Потом – пусть хоть лоб об сосну расшибет, но сначала надо допросить.

Луис увязал противника и обернулся. Как он и предполагал, стоило схватить предводителя, как наемники прекратили атаку. Тех, кто выскочил на дорогу, гвардейцы добились, а тех, кто уходил лесом, даже и преследовать не стали.

Зачем?

Кодекс наемника диктует верность нанимателю – пока тот платит. Тьер Эльнор уже совершенно точно не заплатит ни копейки. Это первое.

И если уж Луис видел безумие нанимателя, то наемники тем более насмотрелись. Это второе.

Здравый смысл гласит, что от безумцев с их идеями надо держаться подальше. Кто поумнее – так и поступили, а дураков не жалко.

– Клиент упакован? – Массимо подошел вразвалочку, примерился – и выдернул болт из тьера. Специальный взял – «иглу». Чтобы был тонкий, острый и без выраженного наконечника. Ничего не порвал, и из человека его извлекать удобно.

Кровь все равно брызнула, тьер Эльнор, до того пребывавший в беспамятстве, открыл глаза – и взвыл загнанным зверем.

– ДАВЕРТ!!!

Луис только плечами пожал, запихивая несостоявшемуся Преотцу кожаный кляп. Так точно не отравится.

– Поможешь погрузить? Допрашивать позднее будем, найдем укромное место.

Массимо кивнул и подхватил упакованного тьера за ноги, как бычью тушу. А Луис в очередной раз подумал, что ему сильно повезло. Такой человек, как Массимо, – редкость.

И все же...

Не стоит ему слышать их беседу с тьером Эльнором. Луис отлично помнил про племянницу Ольрата, а тут тоже... невинная девушка пострадала. Вдруг Массимо да переклинит?

Ничего, он и сам отлично справится.

* * *

Массимо на своем участии в допросе настаивал.

– Тьер Луис, вы пытаться не умеете.

– Он мне и так все выложит.

– Ой ли?

Предстоящий Эльнор сверкал глазами, грыз кляп и выглядел несломленным. Луис только плечами пожал.

– Суну его ногами в костер...

Массимо скривился.

– Тьер Луис, я лучше уши завяжу или там глиной залеплю. Но вы ж его угробите раньше, чем допросить сможете!

Это было не исключено. Но...

– Ты пойми, он же предстоящий. И сейчас из него столько грязи польется...

– А то я о ней не догадываюсь, при вас-то состоя?

– А ты понимаешь, что одно дело догадываться, а другое знать? За некоторые тайны можно и головы не сносить, просто потому, что ты поведешь себя *иначе*. Не так, как повел бы себя человек неосведомленный?

– Лучше уж знать, чем не знать.

– Обещаю, я тебе все расскажу. Но есть вещи, которых не хотел бы знать и я.

Массимо молча протянул на ладони комок глины.

Луис посомневался, а потом махнул рукой – и согласился. Но уши Массимо залепил сам.

* * *

И в очередной раз Луис не пожалел, что взял с собой Ольрата. Вдвоем они оттащили тьера Эльнора как можно дальше – и Луис вытащил кляп.

А потом минут двадцать слушал о том, какой он выродок, какая мразь его отец и что бы тьер Эльнор с удовольствием сделал со всей его семьей.

Молча слушал, давая сумасшедшему выговориться.

И – дождался. В потоке ругани мелькнуло и имя матери – «убить пронырливую сучку, чтобы не совала нос куда не надо!», и имя Эрико – «сам сдохнет от дурной болезни», и Лусия – «помрет родами, а до того еще и помучается!». И даже Эттан был упомянут по принципу «сам себе могилу роет».

Луис отложил это в памяти, принялся расспрашивать и был вознагражден ядовитым хохотом в лицо. Рассказывать лишнего тьер Эльнор не собирался.

Пока за него не взялся Массимо, принявшийся «потрошить» тьера так же деловито, как крестьянка режет и ощипывает птицу.

За пару часов тьер Эльнор не получил ни одного смертельного повреждения, но лишился всех выступающих частей тела, пальцев, важного для мужчины органа и даже части кожи.

Жажда мести была сильна в предстоящем, но боль оказалась намного сильнее.

Тьер Эльнор сломался на третьем часу пыток – и заговорил.

И тут-то Луису действительно стало плохо.

Пока Эттан упивался своей победой, а его семья привыкала к новому статусу, тьер Эльнор упорно и усердно плел вокруг них ядовитую паутину.

Первой его жертвой пала Вальера Тессани, которая что-то почуяла.

– Ты забрал у меня дочь, а я у тебя – мать, – хохотал тьер Эльнор окровавленным ртом. Смотрелось это жутковато, хорошо хоть Массимо ничего не слышал. Они с Луисом эти два часа общались только жестами: рука поднята – пытки приостановить, рука опущена – начать заново. – Понял теперь, отродье давертовское? Ощутил! А то привык к безнаказанности!!!

Второй жертвой стала Лусия.

Карстам нужен был наследник, потому что Мирт... вряд ли он когда-нибудь станет нормальным. А Лусия вполне подойдет, чтобы выносить нескольких детей. А потом... а что – потом?

Шлюхой больше, шлюхой меньше...

Луису все больше хотелось схватиться за голову и застонать. И он сам, своими руками привез сестру в волчью пасть.

Впрочем, сейчас ей там безопаснее. Как это ни забавно, но пока Лусия не родит от Доната нескольких детей – ее и пальцем не тронут. Пылинки сдувать будут. Так что о сестре пока можно не волноваться.

А вот Эрико...

Сопляк безмозглый! Попался на шлюху с дурной болезнью!

Подумаешь, выглядит она словно девочка! Мог бы и проверить, посоветоваться, рассказать – навели бы справки! А он! Как теленок!

Луис с трудом припомнил, что брат в последнее время был оживлен и доволен жизнью. То есть...

– С-сука!

– А брат твой сдохнет! И ты сдохнешь!

– Меня тоже на шлюху ловить будешь?

– И на тебя найдется сила! – В глазах тьера Эльнора, подогреваемое болью, разгоралось безумие. – Ты еще увидишь гибель своих родных, ты проклинать будешь тот день, когда родился, молить о смерти будешь...

Луис резко опустил руку, подавая сигнал Массимо.

Ольрат примерился, поддел ножом кожу на груди тьера, сунул под получившийся фестон раскаленный кончик ножа, тьер Эльнор выгнулся и испустил вопль. Но разум гас в его глазах...

Единственным способом отплатить своим врагам для тьера Эльнора стало безумие. И он радостно отдавался захлестывающей его черной волне.

Или красной?

Кровь, да, много крови...

Она льется из-под рук Эттана Даверта, красит одежды Преотца в кровавый цвет, плещется у ног, она густая и солоноватая, с металлическим запахом, она чернеет и вспыхивает огненными искрами, и Тавальен горит.

Горят храмы и дворцы, горят белые здания, горит гавань, корчатся в кровавой воде осьминоги и акулы, кричат беззвучным криком совсем уж невиданные чудовища...

Тьер Эльнор видит и себя.

Та искра, от которой все занялось, – это он.

Он сам.

Если бы когда-то на лесной дороге не остановили его карету, если бы Мелания не погибла, если бы...

А сейчас ему все безразлично!

И тьер Эльнор с радостью окунается во всепожирающее пламя.

Гори, Тавальен!

Гори, страдание!

ГОРИ!!!

Он танцует в центре огненных языков, он сам – огонь. И это – красиво, так безумно красиво... или просто безумно... или красиво?

Ему уже все равно. Тьера Эльнора здесь уже нет. Он ушел танцевать с огнем, оставив врагам свою оболочку, на миг став пророком – и сойдя с ума от ужаса, который породил.

Массимо еще около получаса методично пытался чего-то добиться от тьера Эльнора, но потом покачал головой.

– Бесполезно.

Луис кивнул.

Он и сам видел, что все уже напрасно. Передавили с болью? Нет, вряд ли. Просто Эльнор уже был безумен, а провал столкнул его за грань немного раньше, чем нужно. Вины Массимо тут нет, как и вины Луиса. И он кивнул в ответ на вопрошающий взгляд. Протянул руку.

Массимо покачал головой, показал на себя, но Луис выставил ладонь вперед.

– Нет. Это моя ноша.

Ольрат не читал по губам, но понять – понял. И медленно вложил в руку Луису свой старый нож, с рукояткой из оленьего рога.

– Возьмите, тьер.

Кинжал удобно лежал в руке. Тяжелый, острый...

И в грудь тьера Эльнора он вонзился легко и даже с радостью. Руку потянуло вперед, сталь скрипнула по кости, миновала ребра – и тьер Эльнор совершил свой последний вздох.

Безумие исчезло из его глаз. Они медленно открылись – и огня в них уже не было. Только свет. Словно отблеск золотых волос глупой девочки, которую смертельно разочаровала жизнь.

– Мелли...

Массимо протянул руку и закрыл тьеру глаза. Луис кивнул другу, мол, можно открывать уши. Но Массимо не торопился. Сначала он сноровисто оттащил тьера Эльнора от костра,

забросал ветками, не особо усердствуя – найдет его зверье, так и пусть. Им тоже что-то кушать нужно. Вытащил свой клинок, обтер его, сполоснул руки, подбросил веток в костер – и туда же полетели затычки для ушей.

– Не зря хоть?

– Спасибо тебе.

Луис выглядел как человек, на плечи которого упала каменная плита. Надгробная. И давит, давит, и как справиться с ношей – неясно. Массимо подставил бы плечо, но...

– Тьерину – он?

Луис медленно кивнул.

Как же сейчас он был благодарен Массимо.

За присутствие рядом, за помощь, за поддержку и даже за фляжку с жутковатым горлодером, которую подсунули ему под нос.

– Пейте, тьер.

Луис послушно сделал несколько глотков. Горло обожгло так, что он аж задохнулся.

– Спасибо.

Массимо положил руку Луису на плечо.

– Пока мы живы – все можно исправить. А мы еще живы, тьер.

– Иногда человек жив, а хуже мертвого. – Луис сделал еще глоток. – Мать – он. Лусию – тоже он. Подал идею, а Карсты ухватились. Придется вытаскивать малявку.

– И вытащим. Сейчас повернем – или чуть погода съездим?

Луис посмотрел на Массимо, который и не сомневался в своих словах. Ухмыльнулся.

– Сначала приготовим дом для малявки. Чтобы ей было где жить, на что жить... и заберу ее. Может, и с ребенком. Она молодая, красивая, найдет себе мужа.

– Вот именно.

– А вот брат...

– Который?

Слово за слово, Массимо вытянул из Луиса все, что касалось Эрико. И задумался.

– Тьер, так вроде лечат это. Кровью Ардена⁵.

Луис только головой покачал.

– Лечат ли? А впрочем... как ты сказал? Пока мы еще живы?

– Мы справимся, тьер.

– Справимся.

Тьер Эльнор все же победил, хотя так никогда об этом и не узнал. Луис не задал вопросов ни об Эттане, ни о тьере Синоре, ни об Ордене Моря. Вот и не узнал ничего.

А гроза готовилась.

Тучи уже собирались на горизонте и готовы были разразиться громом и молниями. Только вот Луис уже ни на что бы не повлиял. Эттан Даверт почуял запах денег, больших денег, и останавливаться не собирался.

Род Карнавон

Алаис Карнавон осматривала предложенный ей дом. Они с Элайной Шедер уже посмотрели три дома, но ни один не подошел Алаис.

В одном были тараканы, которых она ненавидела всей душой, во втором хозяин смотрел такими масляными глазами, что рука сама тянулась к сковородке, в третьем хозяйка была похожа на высохшую воблу и поглядывала с явным превосходством «благочестивой жен-

⁵ Киноварь.

щины» или престарелой девственницы. А Алаис нужен был кто-то другой. Кто-то вроде кузины Лизетты.

С ней Элайна познакомила Алаис в последнюю очередь. Увы, кузина Лизетта выбивалась из достопочтенного семейства Шедер, как нитка из белья, и заправить ее обратно не позволяла никакими усилиями. Старая дева, которая никогда не выходила замуж, но имела множество связей с мужчинами, обожала кошек (в настоящий момент у нее жило три штуки), книги, детей, когда те не пакостили первым или вторым, все соленькое и остренькое и веселую музыку.

И это – достопочтенная Лизетта Шедер, которая приходилась Далану теткой.

Элайна ее не слишком одобряла, а вот отец Далана, сам Далан и его братья с сестрами просто обожали. И загрызли бы любого, кто посмеет неуважительно отозваться о родственнице в их присутствии. Лизетта платила им взаимностью. А Алаис приняла с первой минуты. С той самой, на которой Далан рассказал об их приключениях.

– Я буду рада видеть и тебя, и твоего ребенка в своем доме. Сама видишь, у меня тут места хватит. Но у меня кошки...

Дом у Лизетты был роскошный. Родители оставили в наследство, и справедливо. Из всех отпрысков именно Лизетта сидела с больной матерью, потом с отцом, так что дело унаследовал отец Далана, определенные суммы другие братья, а единственная дочка в семье получила дом – и вклад у купцов, достаточный для содержания здания и скромной жизни. Ей хватало.

– Ага, – Алаис уже успела потискать двух пушистых мурлык, а третья где-то пряталась. – Думаю, ребенка мы к ним подпускать до года не будем, а потом соображать начнет – научим обращаться. Деньги у меня есть, проживание оплачу...

– Вот еще! Ты же Далана спасла!

Алаис подумала пару минут.

– Госпожа Лизетта, я не вьелерин. А потому либо вы берете с меня деньги за проживание, либо договариваемся как-то еще. Например, я сад облагораживаю? Или ремонт делаю, или как-то еще...

– Сочтемся! Голубые комнаты тебя устроят?

– Более чем.

Голубые комнаты состояли из одной большой, от которой цветком отходили еще три. Гостиная, две спальни и кабинет. Все обтянуто голубым шелком, вся мебель выдержана в серых и синих тонах, очень удобно.

– Я переделаю одну спальню под детскую и комнату для кормилицы, ладно? А остальное пусть остается как есть.

Лизетта только махнула рукой.

– Делай. Я не против.

Элайна вздохнула.

– Могу посоветовать хороших мебельщиков и мастеров. Мы недавно...

– Советуй, – так же равнодушно махнула рукой Лизетта. – Тут тебе равных нет.

Госпожа Шедер поджала губы. Кажется, две женщины не сильно ладили. Алаис перевела взгляд с Элайны на Лизетту и обратно.

Вот стоят они рядом.

Элайна Шедер – вся аккуратная, лощеная, ухоженная, в безукоризненно модном платье, с элегантной прической и прохладными манерами.

Лизетта Шедер – невысокая, кругленькая, как колобок, волосы выются кудряшками и выбиваются из прически, карие глаза светятся веселыми искрами, носик задорно вздернут – и никогда ей не дашь ее сорока лет! Столько в ней жизненной энергии, столько силы...

Платье помялось, оборку надо бы пришить, но Лизетта совершенно не обращает на это внимания. Кажется, ее намного больше занимает книга на столе, чем явившиеся гости.

Неудивительно, что они с Элайной не дружат. А вот Далан так и жметя к тетке, которая уже успела угостить его кексами. Вкусными...

Алаис здесь уже нравилось.

* * *

Вечером из дома Шедеров к кухне Лизетте доставили ее вещи. В том числе и гаролу. Лизетта прищурилась на музыкальный инструмент.

– Умеешь?

– Спрашиваешь!

Алаис и Лизетта, спровадив облегченно вздохнувшую Элайну, переглянулись с улыбкой и принялись знакомиться. Дружно решили, что Алаис будут звать Алекс, а та может обратиться к хозяйке «тетя Лиз», ее все так называют. Родственница так родственница.

Обнаружили, что Алаис обожает книги и сама многое читала.

Что Лиз с удовольствием слушает сказки и истории.

Что кошки принимают Алаис как родную, стало быть, человек она хороший.

Что шитье и вышивание недолюбливают обе, примерки у портних считают злом. А модничанье... это хорошо, но не постоянно же!

Что Элайна Шедер слишком чистенькая, красивая и правильная. И в ее присутствии жутко хочется или почесать попу, или поковырять в носу.

А подобное совпадение интересов и мнений гарантировало женщинам спокойную совместную жизнь. Алаис подарила Лизетте длинную нитку розового жемчуга с Маритани и окончательно была принята в стан «своих».

Оставалось спокойно жить и дожидаться родов.

Спокойно...

Нет, это слово было сказано не для Алаис и Лизетты.

Началось с того, что Алаис принялась по вечерам устраивать мини-концерты, только для своих – Лизетты и слуг в количестве шести штук. Потом слуги принялись приводить своих родных, прятать их в саду и подслушивать.

Увидев такое дело, Алаис и Лизетта переглянулись – и разрешили сидеть на кухне. С открытой дверью, конечно...

На пару десятков дней этого хватило, а потом слуги пришли к ним на поклон. Мол, так и так, песни у вас душевные, а истории жутко интересные. Мы все понимаем, не для нас вы все это поете-рассказываете, но нельзя ли...

Алаис красноречиво показала на свой живот, который уже начал округляться. Не с таким устраивать концерты для широкой общественности.

Слуги замахали руками. Мол, все мы люди, все осознаем тонкости текущего момента, а потому... Тут буквально в пяти минутах ходьбы есть небольшая таверна. С хозяином договорятся, госпожу сопровождают и туда, и обратно, и если она соблаговолит скрасить вечера бедолаг...

Алаис вздохнула, переглянулась с Лиз – и махнула рукой.

Каждый вечер две женщины отправлялись в таверну. Алаис удобно устраивали в большом кресле, укутывали пледом, приносили чашку с ягодным морсом или компотом, и женщина принималась рассказывать. Иногда ее больше тянуло к историям, иногда – к музыке.

Успехом пользовалось все.

Лиз располагалась в уголке и тоже получала удовольствие.

Это в молодости можно беззаботно пожимать плечами в ответ на заявления вроде: «останешься одна – заплачешь, да поздно будет» или «пожалеешь ты потом о своей глупости». Молодость никогда не поверит грустным предсказаниям.

А вот когда подкрадется на мягких лапках старость, когда помотришь в зеркало и заметишь седые волосы, когда очаровательная улыбка вместо ямочек на щеках покажет морщинки – тогда и попомнишь предсказателей. Не каждый день, нет. Но по вечерам иногда бывает так тоскливо! Пусть одиночество скрашивают книги и племянники, все равно – этого мало, мало...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.